

18+

Андрей Коннов

ПРИБЫТИЕ

Андрей Коннов

Прибытие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19488510

ISBN 9785448304354

Аннотация

Калейдоскоп, эдакий «человек в картинках»: на одной руке история про любовь во французских тонах, на другой сказание о путешественниках, попадающих в разного рода приключения. А где-то рядышком бродят страшные сказки про призраков, темных богов и ледяных гигантов...

Содержание

Прибытие	5
Пролог. Татьянин сон	5
Несломленная	8
Глава 1. Прибытие	12
Поступь мертвецов	27
Скрип гроба в шкафу	36
Глава 2. Столпы мироздания	44
Великие Проходы	56
Эпилог. Предзнаменование Савелия Карповича	69
Зимние костры	76
Предисловие	76
Глава 1. Сказ о Муроме и Марьяме	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Прибытие

Андрей Коннов

Дизайнер обложки Андрей Коннов

© Андрей Коннов, 2017

© Андрей Коннов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-0435-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прибытие

Пролог. Татьянин сон

По тундре бежит стадо северных оленей. Они лавируют среди мелких озер, втапывая копытами влажную и холодную землю. Стадо прорезает огромная белая сова. Она делает над оленями крутой крюк, после чего садится на каменное надгробие, затаившиеся посреди лесотундры. Стадо северных оленей встает вокруг надгробия полукругом, кивая своими мордами и истончая холодный воздух из рта. Белая сова подымает могучие крылья вверх и начинает махать ими. От сильного потока воздуха позади оленей образовалась ветреная снежная скатерть. Скатерть разлетелась по лесотундре, обволакивая воздушные массы, впоследствии сформировавшиеся в бледно серые человеческие фигуры. Эти фигуры шли отовсюду, их бескрайняя река простиралась до самого горизонта. Когда фигуры дошли до надгробия, белая сова махнула своим могучим левым крылом. Из-под крыла надгробия очутилась русоволосая девочка, закутанная в овечью шкуру. Девочка поднимает голову, ее глаза закатываются в слезу. Она встает, подходит к надгробию.

– Папа, – тихо произносит девочка.

Белая сова взлетает, опрокинув перо на плечо девочки.

Фигуры начали движения к надгробию. Олени завыли, стадо медленно попятилось назад. По лесотундре пронесся нечеловеческий рык. Девочка замечает перо на плече, берет его, и уверенно, будто бы так и планировала сделать, пишет на надгробии фразу: «Папа помоги». После, перо загорается огнем, девочка бросает его на землю. Ее хватает за шиворот одна из человеческих фигур. Девочку тащат по лесотундре, ей вдогонку смотрят олени, продолжая кивать и истончать холодный воздух. Стадо вновь прорезает белая сова. Раздается раскат грома, над лесотундрой заиграла зарница. Из багровых синих туч на небо закатилась часть солнечного диска. Задрожала земля, фигуры людей стали рассыпаться на мелкие ледяные крошки. Девочка оказывается одна, посреди мерзлой равнины. Где-то вдалеке, девочка замечает хромящего человека. Девочка захотела встать, но нет сил, она начала ползти. Девочка доползает до болотистой чащобы, где на тонкой кромке льда сидит песец. Его вытянутая и острая морда смотрела прямо в глаза девочки. Едва девочка соприкасается со льдом, как от ее руки пошла трещина. Песец, через прыжки над ледяной водой, хватается девочку за воротник, и тащит подальше от хромящего человека. Хромящий человек выставил руки вперед, его голова беспорядочно болтается из стороны в сторону. Со всех сторон свисают куски одежды, оголяя бледное тело. Песец гнал что есть мочи, но, когда солнце вновь зашло за тучи, песец испарился. Девочка снова осталась одна. Перед ней выросла фи-

гура того самого хромающего человека. Бледное, обезображенное лицо, смотрело на девочку. Хромающий человек открыл рот, из которого повалились не прожеванные куски мяса. Девочка закричала, да так громко, что очередная молния ударяет в хромающего человека – его разрывает на части. На его месте оказывается белая сова. Она подходит к девочке, гладит своим крылом, будто бы успокаивая и вводя в сон. Спустя короткий промежуток времени, девочка уснула.

Несломленная

Когда октябрь «наступил» на свою середину, где-то на берегу Волги родилась девочка по имени Таня. Сегодня ей исполняется 11 лет. Мама Тани, Даша, всегда делает день рождения дочери необычным. Необычность заключается в попытках увести праздник от своей классической ипостаси. Так, пару лет назад, Даша не постеснялась отправить в канун дня рождения свою дочку к бабушке, а сама, принялась рисовать на стенах разного рода рисунки. Даша пыталась ориентироваться на то, что маленькая Танюшка рисовала в детстве. И, когда маленькая именинница появилась дома, Даша бросилась на нее, утащив в пучину младенческого безумия, когда они играли, переворачивали всю мебель вверх дном. С балкона пускали воздушные шарики, в подъезде приклеивали разноцветные ленточки, в которые втыкали конфетки – их потом брали соседские детишки. Никаких посиделок за столом, никаких песен или тортов, с зажиганием свечей. Каждый день рождения – маленький арт-хаус. Только они, втроем: мама, дочь и... папа. Папу звали Олегом, он любил Таню переворачивать, и позволять ей ножками топтать по потолку. Танюшка любила этот трюк, и очень ждала на свое десятилетие точное такой же. И крайне негодовала, когда вместо папы это делал дядя Леша. Даша постаралась сделать первый юбилей своего ребенка ярким и красочным. Хотя

в душе травилась болью и горечью, получив за день до таниного дня рождения весточку с далекого Ямала – в ней говорилось о смерти Олега, и о том, что его закопали посреди лесотундры, среди болот и кристально чистых озер. Даша не решилась Тане это сообщить. Девочка сама все узнала, спустя неделю, увидев странный сон про стадо северных оленей и белую сову. Утром Таня задала Даше только один вопрос: «Правда, что нас теперь только двое?»

Таня и до этого видела странные сюрреалистические сны. Их отличительным свойством было того, что все они, так или иначе, происходили на севере. Таня четко описывала ледяную тундру, оленей, песцов, сов, ледоколы на горизонте. Как она бегала в оленьих упряжках, вместе с ненцами, наперегонки с колючим ветром. Девочка десяти лет отроду знала буквально все о ненецком народе из своих абстрактных снов. Трудно объяснить, в какие чертоги уносился разум Тани, когда она брала за руку Морфея.

Танюшка растет необычным ребенком. Она целиком и полностью повторяет своего отца – такая же неумная путешественница, для которой сидеть на месте сродни самому жесткому в мире наказанию. Ее прямо так и тянет пойти куда-нибудь, исследовать местность. Таня исходила весь город одна, пешком. Она прогуливала уроки, дралась с одноклассниками, на наказания директора, учителей и даже Даши не обращала внимания. Тане трудно уживаться с людьми, и поэтому в классе она была чем-то вроде «белой вороны», которую

постоянно пытались ужалить. Комната Тани завалена картами, книгами о путешествиях. Даша боится, что если даст волю, свою дочь она больше никогда не увидит. После смерти Олега, у Даши перемкнуло внутри абсолютно все: ныне, красивая тридцатилетняя девушка, «метр шестьдесят бесконечных нервов» – как ее охарактеризовал Олег, видит смыслом своей жизни быть постоянно и везде рядом с Таней. Чрезмерная опека привела к конфликту с дочкой. Даша выстроила идеальную для ее текущей ситуации концепцию «держат ребенка на коротком поводке». Вот только проблема в том, что Таня – упрямая и закрытая девочка, и одному богу известно, что творится в ее голове.

На свое одиннадцатилетие, Таня заказала весьма необычный подарок. За неделю до праздника, девочка устроила маме серьезный разговор. В котором она просила не делать изысканное и цветастое представление, а отвести ее... на полуостров Ямал. Даша отказалась, заявив, что «маленькой девочке будет трудно там». Идет учебный год, у Тани оценки редко взбирались выше «трех ступеней ада», и Даша желала хоть как-то ситуацию выправить. Но упрямый характер Олега выиграл в Тане с еще большей силой и яростью. Девочка требовала от мамы поездку на Ямал, на могилку к папе. И никак иначе. В противном случае, Таня пригрозила отправиться на север пешком. «Почти как Ломоносов...» – смеялась Ангелина Петровна, мама Даши, но самой героини было не до улыбок. Каждый новый день приносил тягостные

разговоры о севере, о планах, как туда добраться и что там делать. Даша героически сопротивлялась.

Но, однажды, увидела на столике Тани, в ее комнате, записку, в которой та недвусмысленно написала прощальное письмо. Даша трижды облилась потом, затем слезами, взялась за голову, позвонила маме... Пока Таня была в школе, Даша решала вопрос века. Вернувшись из школы девочка, увидела зареванную маму, которая согласилась на столь экстравагантное путешествие, лишь бы «дочка осталась дома». Таня прыгала от радости до потолка, но Даша... Даша не сломилась. Она не дала себе мысль о том, что эта поездка пойдет ей на пользу. Напротив, для Даши путешествие на Ямал стало сродни заходу на гильотину. Девушка внешне подавала признаки радости, но внутри дала себе настрой: при первой же возможности повернуть на дорогу до дома.

Глава 1. Прибытие

Место действия – о. Халэвнго, Обская губа (п-ов Ямал).

Над полуостровом, барахтаясь в потоках воздуха, летит кукурузник. Безлюдные космические пейзажи тундры – болотистые чащобы, окольцованные извилистыми речушками и редкими лесополосами. Смотря на все это из окна самолета, Даша боролась с внутренним страхом за Таню. Перед ней постоянно стоит образ Олега, его пронзительная улыбка, светлые и бездонные глаза, рыжие волосы. Осиная талия, накаченные руки... Даша влюбилась в Олега, и полетела ее душа в облака...

Прежде, чем самолет начал снижаться, его несколько раз потрянуло. Кукурузник пошел на посадку, разрывая белую плену. Сквозь бесконечно вертящийся пропеллер, стали видны очертания аэродрома острова Халэвнго. Даша погладила спящую на ее коленках Таню, поцеловав ее в лоб.

– Вставай, соня! – сказала Даша нежным голосом.

– О! Уже? Папа! – визгнула Таня, едва проснувшись, и прильнув к окну, – Боже, мама! Тут так красиво!

Даша повертела носом.

– Волжские пейзажи по живее будут, – пробурчала Даша под нос, предпочитая не связываться с восхищением своей дочери.

– Милые дамы, мы идем на посадку! – прокашлял гром-

коговоритель в салоне кукурузника.

Аэродром Халэвнго когда-то был центром притяжения полярников с материка. Сюда прилетали самолеты за горячим, привозя продукты для местной метеостанции «Нум». С распадом СССР надобность в станции пропала, рабочий персонал перевели на Таймыр и про аэродром забыли. Теперь, в вечернюю зарю в окнах и дверях лучи уходящего солнца рисуют при помощи снежной скатерти силуэты людей. На диспетчерской башне до сих пор барахтается флаг с серпом и молотом. В кабинете начальника аэродрома висит покосившейся портрет Ильича, застыл во времени патефон, в столах остались забытые кипы документов (что в них знает лишь пыль и кромка льда). В ангаре стоит затерянный между двумя эпохами еще один кукурузник. Кто-то ушлый снял с него пропеллер и заднее шасси. Самолеты не садились на Халэвнго долгие два десятилетия. Кукурузник с Дашей и Таней на борту первый за долгие годы самолет в здешних краях. Рокот двигателя кукурузника беспощадно резал гулкую тишину тундры на части.

– Мрак, – ругнулся первый пилот Роман, смотря на брошенный аэродром.

– Советское наследие... – задумался второй пилот Алексей.

– Того гляди, сейчас попрут зомби... – Роман притянул на себя рычаг.

– Чур, сначала сожрут мелкую... Она слишком по-умно-

му на всех смотрит, – Алексей лишь к концу фразы понял ущербность своей шутки, глядя на прямолинейный взгляд Романа, в котором четко читалось: «Ахахах! Как смешно!»

У обочины взлетно-посадочной полосы стоит ржавая буханка. Возле нее, облокотившись локтями, с интересом наблюдают за кукурузником обитатели метеостанции «Нум» – Савелий Карпович и Матвей.

Дверь кукурузника со скрипом открывается, и сначала на воздух выходит Даша.

– Ну, здравствуй, Даша! – Савелий Карпович полез обниматься.

– Жутко здесь, – мрачно ответила на приветствие полярника Даша.

– Север, – ухмыльнулся Матвей, – Он такой, атмосферный!

Савелий Карпович и Матвей схватили чемоданы, и потащили их буханку. Таня уже из нее махала пилотам рукой, когда те пошли на взлет.

– Слава богу, мы летим в Салехард, обратно! – успокаивал сам себя Роман.

– Боишься тут заледенеть? – подмигнул Алексей.

– Боюсь, стать частью местной фауны, как те два... – Роман три раза перекрестился, – Два года назад мой брат завозил им продукты, с лодки, когда его танкер проплывал неподалеку. Говорит, один постоянно травит байки о каких-то Великих Проходах, второй вечно пишет у себя в кабинете

«Бытие Севера». Бррр...

– Ну, надо же как-то скрашивать свой досуг!

– Отшельники-психопаты. Они уже давно замерзли, и это их мумии. Они съедят этих несчастных девушек, и завтра мы будем забирать их останки.

На эту фразу Романа Алексей выпучил глаза. Между пилотами воцарилась тишина, которую нарушил Алексей.

– Ставлю пять тысяч, что мы будем забирать трупы.

– Десять тысяч, и ты ведешь самолет до Таймыра!

– Идет!

***

Буханка резво мчалась по убитой временем дороге. Дивные пейзажи тундры сменились лесотундрой, где-то через четверть часа, пошли болота и озера. Сквозь заросли на открытые площади выбегают пары северных оленей.

– Здесь первый круг ада? – поинтересовалась Даша.

– Последний, – сухо ответил Савелий Карпович.

– Тут девственная природа-матушка, – мечтательно сказал Матвей, крутя руль буханки, – Это рай на земле обетованной!

– Адский рай, – пробурчала Даша, вжимая голову в шею.

– Олег так не думал, – начал Савелий Карпович, – Он здесь хотел остаться.

– Я знаю! – рыкнула Даша, – Он всегда предпочитал на-

шей семье север!

– Не злись, – попробовал разрядить обстановку Савелий Карпович, – Он же не со зла...

– Умер, не попрощавшись, – на лице Даши проступили слезы, – Обещал вернуться, так взял, остался здесь. Доволен, да?!

– Тут девочка маленькая, – с воспитательной интонацией сказал Савелий Карпович.

– Я взрослая, – обиженно сказала Таня, – Просто ростом еще не вышла. Это временное явление!

Буханка въехала сквозь деревянную арку на небольшую площадь. Косой деревянный забор упирается в набитый всяким металлическим хламом сарай. Через сто шагов от него стоит метеостанция, где первый этаж сложен из камня, а второй – из дерева. Метеостанцию венчает треугольная крыша, на которой стоит ржавая и заледеневшая тарелка больших размеров. Под козырьком большими буквами на доске, белой краской, написано «Нум». Возле крыльца валяются кронштейны и антенны.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной, – сказал Матвей, открывая дверь метеостанции.

– Как тут красиво, – Таня вдохнула холодный воздух, дующий с Карского моря.

– Застудишь легкие, что ты делаешь?! – Даша подпихнула Таню к двери, – Где твой шарф? Почему без шарфа? Ты соображаешь, где ты находишься?!

– Да не замерзнет она, – Савелий Карпович ставит сумки на пол, – Север не морозит тех, кто к нему искренен.

– Это намек? – спросила Даша, раздевая Таню.

– Намек на то, что нужно отдаться природе, – Матвей поставил чайник на плиту, – Здесь единственная угроза может исходить только от нас самих.

На первом этаже метеостанции расположена кухня, пара диванов, радиорубка, печь и рабочий кабинет Матвея. На второй этаж ведет деревянная скрипучая лестница. Там две комнаты, с верандой, санузел и кладовка. В узком коридорчике стоит длинный книжный шкаф. Небольшая лесенка ведет на чердак, где валяются ящики, бочки, металлические конструкции, груды камней и еще много всякого хлама.

– Какая прелесть! – визгнула Таня, подбегая к книжному шкафу. Девочка достает книгу о ненецкой мифологии, – Мама, смотри! Это же папина книга! Он мне ее читал!

– Поставь чужое на место! – возмутилась Даша, отняв у дочки книгу. На ужин Матвей, как традиционный повар острова Халэвнго, подал вкуснейшую рыбу в томатном соусе.

– Здешняя рыба исходит прямо от Владыки Вод – Ид Ерва. Кто ее съест, тот обретет иммунитет ко всем болезням, – Матвей нанизал на вилку пару кусочков, демонстративно и с удовольствием скушав их.

– Завтра самолет вернется за вами в обед, – начал Савелий Карпович, наливая в бокал чай, – Он увезет вас в Салехард,

а оттуда уже долетите до родной Самары. Утром мы сходим на могилку, к Олегу, и все будет хорошо.

– Меня терзают смутные сомнения, – сказала Даша с укоризной.

– Сомневающимся выслана дорога в ад, – Матвей перекрестился.

– Странно, что в столь жутком месте, обители дьявола, есть верующие, – Даша наливает чай Тане.

– Где ты тут дьявола увидела? – Савелий Карпович покопился в сторону Даши.

– Его следы повсюду! Мерзлота, колючий ветер, полная тишина, как в гробу! Здесь нет места жизни!

– А как же северные олени? – спросил Савелий Карпович, – Они же живые!

– Дьявол соблазняет нас. Я не верю. Для меня этот остров просто кусок льда, забирающий людей.

– В тебе говорить злость и обида на Олега. Отпусти все это. Он ведь любил тебя и Таню.

– Он любил север. По-настоящему и искренне. Нас он покидал всегда надолго и всегда тяжело было ожидать его. С каждой его новой экспедицией искринка жизни в нем угасала. Когда Олег уезжал последний раз, я чувствовала, что обратно не вернется. Тут повсюду дыхание смерти и тоска. Мы не пробудим здесь больше завтрашнего обеда!

После этой фразы, Даша резко вскочила из-за стола, в ее взгляде четко читался страх и неуверенность абсолютно

во всем. Окинув сидящих в помещение людей, Даша убежала наверх.

– Ты стала красивой, – кричал ей вдогонку Савелий Карпович, – И внутри красивая. Убери свои колючки, ты же не такая!

– Моя мама знатный цербер, – Таня заглатывала один кусок рыбки за другим, – Я от нее, она за мной. Я перегрызаю цепь, она еще толще вешает.

– Ты для нее смысл жизни, – нежным голосом сказал Савелий Карпович, – Не ругайся!

– Да я не ругаюсь. Моя мама – цербер. Ее цепи меня душат. Я хочу быть вольной птичкой. Быть везде и всюду. Но быть не одна, а с мамой. Вы правы – она вся в колючках. Красивый и нежный кактус.

– Ты такая умная... – Савелий Карпович расплылся в наслаждении.

– Ой, не надо этого! «Ты такая умная!». Давайте обойдемся без эпитетов и похвалы. Я не люблю это.

Сказав, Таня поднялась и прошла к мойке.

– Девочке не место у мойки, – сказал Матвей из своего кабинета.

– Я просто хотела помыть свою тарелку!

– Девочка не должна мыть тарелки!

– Девочке пора спать, – Савелий Карпович широко зевнул, – Завтра рано вставать. Здешние сутки не такие, как на материке. Не успеешь глазом моргнуть, как зарево рас-

света рассечет горизонт, отправляя госпожу ночь на небольшую прогулку.

***

В маленькой комнатке, где стоит кровать и тумбочка, а на стене висят олени рога, у окошка стоит вжавшаяся в себя Даша. В кровати лежит Таня, укутанная тремя одеялами. Даша долго всматривалась в ледяной пейзаж тундры, дергаясь от ставней на окнах, которые ворочал ветер.

Даша оборачивается к кровати, подходит к Тане, гладит ее по голове и целует в лоб. Она приглаживает одеяла, и, заглядывая под кровать. Затем, Даша внимательно рассматривает потолок, трогает углы, проверяет ящики в тумбочке.

– Вроде нет никаких монстров, нет никаких опасностей, – вздохнула Даша, открывая дверь комнатки.

– Я оставлю дверь открытой, – сказала Даша, смотря на спящую Таню, – Я буду слушать твой сон и твое дыхание из соседней комнаты. Я всегда буду это делать!

Даша повернулась к окну, показав тундре свой маленький кулачок.

– Ты ее у меня не заберешь! – дерзко сказала она.

Даша легла в кровать, но укрыться одеялом не смогла. Оно показалось ей колючим. Даша решила спрятать руки под ноги, а голову втянуть в шею. Так ей легче давалась тягостная ямальская обстановка.

– Не сиделось нам дома, – начала шептать Даша, не замечая, как ее глаза стали закрываться, – В Самаре сейчас тепло, желтая листва в парках, легкие куртежки, черные сапожки... А тут! Я прям чувствую, как смерть дышит всюду. Таня... Не отдам ее северу! Нет! Она будет жить так, как я скажу!

Даша встрепенулась, ударила себя дважды по лицу. Она смотрела на пустую рамку на стене. В ней когда-то была картина, и Даша сделала робкую попытку представить, какой она была. Спустя пару минут, Даша уже лежит под одеялом. Она не заметила, как это получилось. И очень сильно испугалась. Она уже не чувствовала колючесть одеяла. Тело начало «отражать» от одеяла тепло, и Даша размякла. Даша снова закрыла глаза.

– Увижу твою могилку, сама не подойду! И дочь не подпущу! – бормотала Даша, уходя в сон, – Посмотрим изда- лека. Нечего тебе тут такие вольности позволять... Бросил? Умер? Скатертью дорога. А ребенка кто воспитывать будет? Я одна?

Даша повторяла эту фразу несколько раз, пока не уснула. Сон оказался таким сладким, что Даша перевернулась на бочок, засунув большой палец в рот.

А между тем, Таня видит сон. Тот самый сон, про стадо оленей и белую сову. Про папино надгробие среди лесотундры. Про хромого человека и песка. Она видела его первый раз за долго до отлета из Самары. И тут вновь он... Когда белая сова начала гладить девочку по голове, Таня резко про-

сыпается, и видит перед собой бледное лицо мужчины тридцати пяти лет. Ярко черные глаза, без зрачков, тонкая кожа, оголяющая черты черепа, приоткрытый рот. В этом бледном лице Таня признала своего отца – Олега. Девочка закричала. В комнату влетает обеспокоенная Даша, снизу поднимаются Савелий Карпович и Матвей. Даша отказывается покидать дочь и ложится с ней в кровать.

– Давно его не было... – задумался Савелий Карпович, находясь под впечатлением от сна Тани и ее видения отца.

– Чем больше будет сопротивление Даши, тем сильнее будет он, – сказал Матвей, закидывая в печь дрова.

– Что будем делать? – Савелий Карпович достал из-под скатерти белое свиное перо.

– Пока ничего. Все зависит от Тани, – Матвей ушел в свой рабочий кабинет, и закрылся там.

Савелий Карпович лег на диване, накрывшись пледом. Едва он закрыл глаза, как услышал скрип половицы. Будто бы в зале есть кто-то кроме него. Скрип половицы сопровождался мужским холодным, тяжелым вздохом. Савелий Карпович открыл глаза. Скрип половицы прекратился. Савелий Карпович медленно повернул голову, ожидая что-то необычное и страшное. Но ничего не случилось. Савелий Карпович резко встал, огляделся, замер. За окнами мелькнула чья-то тень. Савелий Карпович подпрыгнул к окну, зашторив шторы. Полярник пополз по стенке, до входной двери, чтобы проверить, закрыт ли замок.

– Ловишь барабашку? – спросил Матвей, стоя на кухне, держа в руке стакан с водой.

Савелий Карпович отпрыгнул от двери, хватился за сердце,

– безумным взглядом посмотрел на Матвея.

– А ты мои нервы испытываешь? – спросил полярник, укладываясь на диван.

– Ты же знаешь, что делать. Так зачем же идешь у него на поводу? – Матвей прошел к дивану, и нагнулся над Савелием Карповичем, будто бы призрак.

– Матвей, дай поспать! Это ты не ведаешь ни времени суток, ни времени года...

– Здесь и так уже есть люди, которые истончают страх. Хочешь кормить его еще своим – пожалуйста. Только будь аккуратен. Он ненасытен, – сказав, Матвей снова закрылся в своем рабочем кабинете.

***

Утро. На диване, на первом этаже, сидит Таня. К ней подсаживается Даша, берет ее за руки.

– Ты никогда раньше не кричала по ночам, – сказала Даша.

Матвей налил чаю в термос, начав собирать рюкзак.

– Савелий Карпович! – крикнул Матвей на второй этаж, – Нам пора! Я пойду, приготовлю автомобиль, а вы пока оде-

вайтесь!

Матвей завел буханку заранее, чтобы она прогрелась. Позавтракав, Таня оделась, и выбежала на улицу.

– Она никогда раньше не кричала по ночам, – вновь повторила свою фразу Даша, стоя у окна. Она смотрела на резвящуюся дочку, нарезающую круги вокруг машины. Матвей хлопал в ладоши, пытаясь еще больше раззадорить девочку.

– Опустит ее, и она больше никогда так не сделает, – Савелий Карпович помог одеть Даше куртку.

– Отпустить?

– Ты ее душишь своей опекой.

– Но я боюсь за нее! – Даша села на диван.

– Твой страх заставляет ее держать на привязи, контролировать ее каждый шаг! – Савелий Карпович махнул рукой, приглушив на кухне свет.

– Я мать! И я боюсь за свое дитя!

– Это говоришь не ты, а твой страх. Забота и опека – вещи разные. Когда ты даешь ребенку внимание, но не обрубаясь его доступ в мир – это благо, забота, внимание и любовь. Когда уже начинаешь следить за каждым шагом, звонить, говорить «Нельзя!», – со стороны своего чада вряд ли встретишь понимание.

– Она еще мала, не понимает этого!

– Все мы вырастаем, и становимся родителями. Чтобы не совершать ошибок своих отцов и матерей мы должны сделать выводы из своего детства, и дать ребенку жизнь. Жизнь,

а не мир за решеткой твоих принципов и желаний.

– Здесь мы в опасности! Она бегает по этой стуже! Она часто болеет! Простудиться! А шарф?! Она забыла обвязаться шарфом! – Даша хватается шарф, бежит к двери. Но перед ней вырастает фигура Савелия Карповича.

– Пустите! Пустите меня! – Даша кричит, машет шарфом, – Вы! Вы! Вы не знаете, как мы лежали в больнице, с воспалением легких! Вы не знаете, как она ходит, ведет себя! А здесь... здесь даже врачей нет. Случись что, куда ее вести? Она же умрет! Я тогда пойду за ней!

– Даже после смерти не дашь ей покоя? – Савелий Карпович скривил лицо.

– Да! Я буду заботиться о ней!

– Даша, это уже клиника! Ты себя слышишь? Ты душишь ее! Шарф! Он не спасет ее, если она часто болеет. Отпусти!

– Нет! – крикнула Даша, толкнула Савелия Карповича, и выбежала на улицу.

– Природа никогда не убивает человека. Только мы способны это сделать! – кричал вдогонку Даше Савелий Карпович.

Даша схватила Таню за шиворот, и начала обязывать шарфом. Даша проверила наличие теплых колготок, двух свитеров, как одета шапка.

– Замерзла? Горло болит? Нос! Как нос? – Даша щупает лицо Тани, которая всем своим видом пытается показать свое недовольство.

– Она уже умерла и переродилась вновь, – загадочным голосом произнес Матвей, выглянув из-за машины.

– Что?! – визгнула Даша, посмотрев зорким злым взглядом в сторону Матвея.

Савелий Карпович подошел к машине.

– Ты дверь закрыл? – спросил Матвей.

– Какую дверь? – Савелий Карпович полез в салон буханки.

– У нас так много строений вокруг?

– Матвей, слушай! Я пятьдесят четыре года живу на белом свете. Могу и умею различать наличие строений, и нужно ли их закрывать!

Матвей с недовольной миной прошел на метеостанцию, отворил дверь и демонстративно ушел.

– Пусть ветер осваивает наши покои, – буркнул Матвей, – Олени заходят, там, покойники разные...

– ...покойники?! – раздался повторный визг Даши, фактически сдавившей Таню своим объятием (типа, так теплее).

– Ну, да. Мертвецы всякие. У-у-у, я пришел, у-у-у, – корчил рожицы Савелий Карпович.

– Так, ладно! – Матвей повысил интонацию голоса, – А сейчас, мертвец 54 лет пойдет, да закроет дверь на замок. Иначе мы никуда не поедem!

– Басурман! – гаркнул Савелий Карпович, шагая к метеостанции.

Поступь мертвецов

Буханка петляла вдоль озер и болот в течение часа. Голая и пустая тундра сменилась лесотундрой. Посреди покрытых белым инеем деревьев растут непонятные глазу Тани и Даши бугристые растения. Солнечные лучи преломляются через ветви деревьев, создавая иллюзию того, будто вокруг люди. Буханка доезжает до надгробия, на котором большими буквами написано «ОЛЕГ», а сверху лежит пригвождённая черная шапка с белыми кляксами.

– Папа! – крикнула Таня, едва выйдя из буханки. Даша хватает дочку за руку, и не отпускает.

– Мама,пусти!

Даша крепко сжала руку Тани, несмотря на осуждающий взгляд Савелия Карповича.

– Ну,привет! – поздоровался Матвей с надгробием, – Вот,привели по твоему заказу. Встречай!

Матвей окидывает рукой стоящих позади Дашу и Таню. Даша держит девочку «на коротком поводке», обливаясь слезами, и не желая ступить ни шагу. Даша все время проговаривала фразу «Издалека! Издалека! Только издалека!». Таня начала бить маму руками, пытаясь высвободиться, но Даша ухватилась за дочь второй рукой. Она обняла Таню, и начала силой затаскивать в машину.

– Мама,пусти! – кричала Таня

Савелий Карпович и Матвей молча стояли и наблюдали за всем этим. Даша затащила Таню в машину, но у той подключились ноги – девочка ногами начала отпихивать маму от себя. Завязавшуюся возню решил пресечь Савелий Карпович. Он растащил конфликтующие стороны по углам буханки.

– Ты прекрати валять дурака, и дай дочери подойди к надгробию – это же просто камень! – рычал Савелий Карпович, – А ты, не пинай маму ногами. У нее не все дома, но это временно. Другой мамы то нет!

После этого, Савелий Карпович с гордо поднятой головой, прошел мимо Матвея.

– Мужик! – завистливо сказал Матвей.

– Да! Мужика то им не хватает обеим, – задумался Савелий Карпович.

Из салона буханки сначала вылезла Таня. Она посмотрела в салон, на маму, потом на Савелия Карповича. Медленно, склонив голову, Таня прошла к надгробию. Прислонившись к нему, Таня тихо заплакала.

– Черная шапка с белыми кляксами, – молвила Даша, подойдя к Савелию Карповичу и Матвею, – Это я купила ее Олегу. Он ее жутко невзлюбил, а сам ведь взял с собой. Говорил «Не люблю!», а в душе радость сердце обливала...

– Он вечерами смотрел на эту шапку, вспоминал тебя, – сказал Савелий Карпович, – Он мечтал утонуть в твоих волосах, ощутить тепло твоих рук. Ты, вот, обижаешься, а он

никогда...

Даша также прислонилась к надгробию. Лесотундра притихла. Ветер отступил. Редкие звуки трескающейся кромки льда сотрясали округу. Лучи солнца играли в разнообразные фигурки людей и существ, пронизывая ветви окутанных льдом деревьев. Стадо северных оленей пробежало мимо надгробия. От их копыт исходил пар, а рога разрыхляли прохладный воздух гулкими звуками. Откуда ни возьмись, раздался раскат грома.

– Гром? – удивилась Даша, – На северном острове гремит гром?

– Нам пора, – сухо сказал Матвей.

– Я хочу еще побыть здесь! – возмутилась Таня.

– У нас самолет через пару часов, – Даша взяла Таню за руку.

Даша заметила, что после раската грома Савелий Карпович и Матвей изрядно занервничали. Девушка старалась не подавать виду, мало ли. Но во время обратной дороги все решила задать вопрос.

– Так откуда взялся гром? Аномалия?

– Да, такое бывает, – ответил Савелий Карпович.

Буханка резко останавливается около большого и кристально чистого озера. Матвей убирает руки от руля. Савелий Карпович напряженно смотрит на Матвея, после чего кричит: – Ложись!

Над машиной раздается сильнейший раскат грома. Мат-

вей три раза перекрещивается, накрывает голову руками, и утыкается в руль.

– Что случилось?! – забеспокоилась Даша.

– Ложитесь на сидения, не подымайте головы, не смотрите в окно! – сказал Савелий Карпович, зажмурив глаза.

Даша заерзала на сидение. Сначала она не понимала, что происходит. Смотрела по окнам, на небо. Ничего.

– Мы не можем ехать дальше?! – Даша дергает Матвея за руку. Но ответа не последовало. У Даши начинается паника. Она хватается за Таню, прячет ее голову в своей груди, закрыв ей глаза. А сама, суматошно смотрит по сторонам.

– Ты закроешь свои глаза, или мне сделать это силой? – рыкнул Савелий Карпович, чья голова резко повернулась назад. Лицо полярника изменилось: огромные впадины от морщин сочетались с горящими от злобы глазами, – Я же приказал тебе лечь на сидения! Даша, ты растеряла свое серое вещество?

Даша недоуменно смотрит на Савелия Карповича. Добродушный дядька-полярник был больше похож на черта из табакерки. Савелий Карпович протянул свою руку, и силой заставил Дашу опустить голову.

– Да перестанешь ты мне перечить! – визгнул Савелий Карпович, – Почему ты меня не слушаешь, когда я тебе говорю? Негодница! – полярник стукнул рукой по бардачку.

– Мама, я умираю, – сказала Таня, уткнув свой нос в грудь Даши.

– Что?! – с обезумевшим криком, Даша поднимает голову дочери, начинает ее трясти, – Что случилось, Танюш?

– Я умираю, – почти бездонно стальным голосом произнесла девочка.

Даша начала щупать дочку, трясти, поглаживать, вздыхать.

– Помогите! Чего вы сидите? – кричала заплаканная Даша полярникам.

– Ты отказалась мне подчиниться, – фыркнул Савелий Карпович, оборачивая голову в сторону озера, – Не хочешь, как хочешь.

– Но моей дочери плохо!

– Она просто умирает. Чего ты хочешь от нее? Жизни? Сначала мне подчинись! – полярник вытянул шею, дернув Дашу за волосы руками, – тебя воспитываю, воспитываю, трачу время, силы, а ты... Ты, просто, берешь и перечишь мне на ровном месте!

– Мамочка, я люблю тебя! – Таня без чувств болтается на руках у зареванной Даши, которая не знает что делать.

– Таня! – взревела Даша, – Матвей! Матвей! Хоть ты! Помоги!

– Я просто хочу ее смерти, – Матвей делает резкий поворот в сторону Даши, не открывая глаз, – Вижу, как твоя дочь лежит в гробу, в цветах, посреди кристально чистого озера, а-ах! – смотри! – Матвей протягивает руку в сторону большого озера.

Посреди большого и кристально чистого озера, стоит открытый гроб, в котором лежит Таня. Она укрыта оленьей шкурой, из-под ее головой спрятаны оленьи рога – их макушка выпирает из белого пледа. Гроб стоит прямо посередине озера, в котором зеркалит светло серое небо.

– Скоро ее оденут в белый саван, – сказал Матвей, – И она улетит далеко-далеко, что не догонишь!

Даша раскрыла глаза. Она дергает Таню, колошматит ее. Смотрит на тело своей дочери возле себя и на ее тело в гробу, на озере. Не понимает происходящего. Кричит, приговаривает «Таня, Таня, что с тобой!»

– А ведь я тебя воспитывал, – зарычал Савелий Карпович, склонив голову в стороны Даши, – Давал тебе все, а ты привела меня сюда. На эту безлюдную землю. Где мы? Что мы тут делаем? Тут повсюду смерть!

– Мама, я мертвая, – шепотом произнесла Таня, – Смотри, я встаю!

Даша изумленно посмотрела на свою дочь, а потом на гроб посреди озера. Таня стоит в оленьей шкуре, в гробу, среди озера, расставив руки по разные стороны. Даша закричала и начала биться в истерике. По двери буханки, снизу, шмонькая по стеклу, появляется черная костлявая рука. Она медленно ползет вверх, издавая липкий и противный звук.

– Мама, прощай, – сказала Таня.

Таня широко открыла свой рот, ее зубы превратились в клыки. Даша отлетела к окну, смотря диким взглядом

на свою дочь.

– Не уберегла ты меня! Не достаточно опекала, мама! – произнесла нечеловеческим голосом Таня, ударив Дашу по лицу рукой. Даша ударяется об стекло и отключается.

***

– Даша? – раздался голос Савелия Карповича, – Даша, очнись!

Даша приходит в себя. Через череду криков, девушка открывает глаза. Она лежит на диване, в зале-гостиной метеостанции «Нум». Даша ошалело смотрит по сторонам. Перед ней стоит Савелий Карпович, на кухне кашеварит Матвей. Рядом сидит Таня.

– Что? Где я? Что произошло?

– Возле могильного камня у тебя началась истерика, – сказал Савелий Карпович, – Ты начала просто кричать и плакать. Говорить про какой-то гром, озеро, Таню, стоящую в гробу в оленьей шкуре.

– Так это... Это мне привиделось? – Даша кинулась к удивленной Тане, обнимая и лаская ее.

– Мы тебя еле затащили в машину, связали по рукам и ногам, – Савелий Карпович протягивает Даше стакан с чаем, – Ты как будто была одержимой.

– Не делай так больше, мама! – произнесла Таня, прильнув к руке Дашы, – Я очень сильно испугалась!

– Некоторое время ты была в каком-то своем мире, – задумчиво сказал Савелий Карпович, осторожно глядя на Матвея. Матвей трижды перекрестился.

Даша обволокла Таню, не держа слез. Полярник отошел от них.

– Кто-то так уже делал, – сказал Савелий Карпович Матвею, – Чем дело кончилось, мы знаем.

– Мы не можем чем-то помочь, – смиренно произнес Матвей, – Главное, что будет делать Таня. Ибо от ее действий зависит то, как мы проживем ближайшие сутки.

– А Даша? – Савелий Карпович зажигает духовку.

– Она слаба, – Матвей смотрит поочередно на Дашу и на икону Божией Матери, стоящей на полочке, – Да поможет ей господь!

Савелий Карпович прошел обратно, к дивану. Полярник присел, вытер руки об штаны, немного помолчав, широко улыбнулся.

– Тут такое дело, – начал Савелий Карпович, – Впрочем, время уже послеобеденное. Даша, вы никуда не улетели.

– Что? Как это так? – обеспокоенно произнесла Даша.

– Салехард накрыл сильный буран, все полеты прекращены на сутки. По радио передали, – Савелий Карпович взглянул на задумчивого Матвея. Матвей щурил глаза, смотрел на Таню, будто что-то шепча губами.

– Но и это еще не все... – Савелий Карпович замялся.

– Что-то еще?

– Да. Со стороны Карского моря идет мощнейшая снежная буря. Она идет прямо на нас, будет к вечеру. Буря пройдет до Салехарда, где соединится с тамошним бураном. Даже не знаю, сколько мы будем отрезаны от цивилизации...

– Боже мой! – Даша начала грызть ногти.

– Такие бури здесь – явление частое. Ничего страшного нет, если не выходить на улицу. Будем сидеть у печки, читать книжки!

– Мне нравится такое времяпрепровождение! – воскликнула Таня, убежав на второй этаж, к книжному стеллажу.

– Но, как же учеба? – ненавязчиво спросила Даша.

– Даша, расслабься, – Савелий Карпович похлопал девушку по плечу, – На могилку, к Олегу, вы съездили. Непогода – дело временное. Как все утихнет, кукурузник вас заберет! Учеба – дело наживное. Зато у Тани будет тема для сочинения «Как я прогуляла уроки»!

Даша робко улыбнулась, взглянув в окно. Ее лицо напряглось, глаза наполнились слезами.

Матвей поднял Савелия Карповича, и отвел к кухне.

– Идут Великие Проходы, – шептал Матвей Савелию Карповичу, – Пока все идет так, как я видел во сне, как говорила Хадне. Помнишь?

– Матвей! – Савелий Карпович отвел Матвея в его рабочий кабинет, – Девочка должна увидеть Великие Проходы!

Савелий Карпович прошел на кухню-гостиную.

– За мгновение до смерти Олег сказал, что его дочь станет

хранительницей Халэвнго, – шептал вдогонку Матвей, – Я тогда не обратил на это внимание, но теперь...

Савелий Карпович обернулся. На его лице проявилась озабоченность. Он смотрел на Таню, листающую книжки о ненецкой мифологии.

– С Нумом она, по крайней мере, уже знакома, – сухо ре- зюмировал Савелий Карпович.

Скрип гроба в шкафу

Время – 16.35. Даша стояла у окошка, мяла пальцы, грызла ногти. Она наблюдала за стремительно растущим ветром, выворачивающем тундру на дыбы. Таня зарылась в книжках, в своей комнате. Она так увлеченно читала, что не обратила внимание на старый косой шкаф, укрытый тьмой помещения. Дверца шкафа бесшумно открылась, и из нее вы- сунулась человеческая рука. Она проползла по дверце шкафа, и шкрябая ногтями ушла обратно во тьму. Таня кра- ем глаза обратила внимание на шкаф. Она подошла к нему, осмотрела, и закрыла дверцу. Снова зарывшись в книжки, девочка не обратила внимания на вновь открывшуюся дверь. Только на этот раз, тьма шкафа отворила дверцу полностью. И из темноты, в комнату, шагнул тот самый хромо- й человек из тундры, которого Таня видела во сне. Он проковы- лял до девочки, и наклонился. Бледное, обезображенное ли- цо, смотрело на девочку. Хромающий человек открыл рот,

из которого повалились не прожеванные куски мяса. Таня почувствовала присутствие сзади. Осторожно обернувшись, она никого не увидела. Едва ее взор снова опустился на книги, как хромающий человек, появившейся из ниоткуда вновь, вытянул свои руки за ее спиной. Таня резко оборачивается назад, но снова никого.

– Как люди живут здесь? – спросила Даша, глядя на первые ростки снежной бури.

– Так же, как и везде, – Савелий Карпович точил ножи на кухне, – Точно также можно задать вопрос «Как люди в Африке живут?»

– Тут жутко. Я не представляю, как вы с Матвеем здесь живете, – Даша присела на диван, укутавшись одеялом.

– Нам помогает Нум.

– Нум? Кто такой Нум?

Савелий Карпович отложил ножи в сторону. Он посмотрел на часы, посмотрел на погоду за окном. Полярник громко хлопнул в ладоши. Из кабинета высунулся Матвей.

– Надо согреть чай, достать печеньки, да собратсья всем у печи! – радостным голосом сообщил Савелий Карпович, – Время рассказать историю сотворения мира!

Матвей снова исчез в своем кабинете. Матвей прошел к столу, где лежит книга, которую он пишет. Матвей осушил перо, закрыл чернила, поцеловал висящий на стене крест и взглянул на фотографию маленького мальчика. Фотография выглядит старой. На ней мальчик стоит в белой руба-

шечке, в крапинку, штанишки на подтяжках, беззаботное улыбающееся лицо. Матвей взял фотографию в руки, вынул из рамки, внимательно разглядывая ее обратную сторону, на которой ручкой написаны две надписи на тонком картоне. На его лице нарисовалась улыбка. Матвей провел по обратной стороне рукой, и вернул фотографию в рамку.

***

Даша поднялась наверх, чтобы позвать Таню послушать истории Савелия Карповича. По коридору второго этажа разбросаны книги. Даша собирала их, расставляя обратно, на стеллаж. Зайдя в комнату к дочери, Даша обратила внимание на царящий там беспорядок: кучи книг, по полу распластаны пододеяльник, подушки, простыни. Таня стоит у окна, глядя на тундру.

– Что ты натворила? – удивилась Даша, – Какой тут бардак, как нехорошо! Надо бы убрать!

Даша прошла в комнату, собирает книги, застилает постель.

– Таня, ну ты бы хоть помогла!

Но девочка не отреагировала. Она стояла неподвижно, будто бы не живая. Даша осторожно подошла к девочке, легонечко дотронувшись до нее. По телу Даши пробежал легкий холодок. Девушка застыла в незыблемом страхе, на ее лице проросли морщины. Даша отшатнулась, но ее за руку

ухватила Таня. Девочка показала рукой на тундру, посреди которой стоял хромой человек. Хромой человек держал в руке воздушный шарик, его лицо было красного цвета.

– Я общалась со смертью, – сказала лязгающим голосом Таня, будто бы говорил не ребенок, а старушка, – Она принесла мне черный саван. Я одела его, неся тяжелый крест, обуреваемая тоской и печалью, слушая гул тундры и шепот кристально чистых озер. Среди болотистых чащоб зарыт родной мне человек, он плачет тихо-тихо, в закрытом склепе на дне. Мой черный саван окутал ветер, он разнес его концы до всех краев этого острова, окунув их в воды вечной мерзлоты.

Даша опешила. Она тряхнул Таню, та опустила руку. Хромой человек с воздушным шариком исчез. Девочка посмотрела на Дашу.

– Мама, ты так красива и юная! В тебе так много сил и энергии! Одень же тоже черный саван, давай-ка ляжем возле папы, на дне!

Даша задергала девочку, ее лицо покраснело.

– На помощь! – вскричала Даша, – Савелий Карпович! Матвей! Тане плохо!

– Давай умрем, перестанем дышать! – молвила Таня, смотря прямым взглядом на Дашу, которую обуяла паника, – Я люблю открытые гробы. На них садятся голуби, с ангельскими лицами. И они поют нам песни обетованных небес.

Таня вырвалась из рук Даши. Девочка прильнула к окну, продолжая говорить старушечьим голосом.

– Среди густых зарослей болотистой чащобы, на кромке тонкого льда, стоим мы, втроем, с папой, в открытых гробах. Лед скрипит под нами, но не проваливается, свистит дикий промозглый ветер, но он не сыщет в нас врага.

Даша закричала что есть мочи. Она выбежала из комнаты, но ей путь преградили падающие со стеллажа книги.

– На помощь! Моей дочери плохо!

Но на крики Даши никто снизу не отозвался. Девушке это показалось странным, но пройти дальше ей не давал бесконечный поток падающих книг со стеллажа. Даша обратила внимание и на это. Она недоумевала, как это возможно, протерла глаза, надавала себе пощечин, даже куснула за руку. Но книги продолжали со шлепками падать. Их не становилось меньше. Заколдованный стеллаж намеренно заблокировал Дашу в этой части коридора.

– Савелий Карпович! – вскричала от безысходности Даша, но снизу откликов как не было, так и нет.

Даша вернулась в комнату. Таня лежит на постели, ее бледное лицо укрыто черным платком. Ее руки сложены на груди крест-накрест, тело укрыто одеялом, а на ногах белые тапочки. Даша взревела, подбежала к дочери, содрала платок с лица. Лицо Тани было безумным: лошадиная улыбка сочеталась с высоко поднятыми и выразительными бровями, а глаза закрыты серой пеленой. Из ушей Тани текла тонкими ручейками кровь. Даша сняла одеяла, хотела взять девочку на руки. Но тут, из темной стороны комнаты послы-

шался скрип половицы. Из темноты вышла рослая фигура Олега – мужа Даши и отца Тани. Осиная талия, накаченные руки, рыжие волосы и... белое лицо, торчащие углы скул, черные глазницы смотрят холодным и режущим взглядом. На Олеге надета серая роба. Олег шел к кровати Тани, тяжело дыша, от его голых ступней половицы истошно издавали грузный скрип.

– Ты? – сквозь стук губ произнесла Даша.

– Пойдем со мной, – раздался тройной голос Олега, в котором сочетался мужской баритон, голосок шестилетнего мальчика и старушечий кашель.

– Куда? – спросила Даша, вставая на пути бледной фигуры Олега.

– Домой, – Олег показал на тундру, еле видимую сквозь усиливающийся буран в окне.

Даша пригляделась. Она признала в Олеге чудовище, а не своего мужа. Развернувшись, Даша уверенно бросилась к Тане, пожелав ее унести из комнаты. Девушка не заметила, как с другой стороны кровати к ней тянулась бледная фигура Олега. Его зловещее лицо с черными глазницами приближалось к Даше.

– Обернись! – послышался голос Тани откуда-то сзади, – Обернись, мама!

Даша оборачивается. Она видит, как в дверном проеме стоит Таня, а позади нее пространство заполнили огромные белые совиные крылья. Даша изумленно смотрит на лежа-

щее тело девочки на кровати и на стоявшую дочь в дверях.

– Скорей сюда, мамочка! – вновь произнесла Таня.

Даша ринулась к двери, схватив Таню за руку. Белая сова замахала своими могучими крыльями, и дверь в комнату начала закрываться. Олег и inferнальная часть Тани раскрыли свои рты и издали протяжный вой. Они помчались к двери, но она захлопнулась прямо перед ними. Белая сова полетела куда-то вниз. Даша обняла Таню крепко-крепко.

– Что это было?! – спросил Даша.

– Злыдни, – грозно фыркнула Таня, – Они пытаются разьединить нас!

– У них же не выйдет? – неуверенно спросила Даша.

– Я не позволю, – сказала Таня, примкнув к груди своей мамы.

***

Даша и Таня спустились вниз. За столом, у дивана, сидели Савелий Карпович и Матвей.

– Вы видели сову? – спросила Даша, присаживаясь с Таней рядышком, – Большую и белую?

Савелий Карпович и Матвей отрицательно покачали головами.

– Но как же? Она же сюда улетела!

– Ты была на втором этаже не более минуты, – сказал Савелий Карпович, – За это время я едва успел вспомнить ис-

торию сотворения мира.

Даша как будто бы комок в горле проглотила. Сделав непосильно трудную для нее улыбку, Даша передернулась внутри.

– Я кое-что уже знаю! – важно подметила Таня.

– Ты меня дополнишь, если захочешь! – похлопал девочку по плечу Савелий Карпович.

Матвей вознес свою руку над свечами, стоящими по середине стола.

– Все, что вы увидите и услышите, есть космический дар немислимой силы, – бормотал Матвей, закрыв глаза, – Пользуйтесь его благами и не страшитесь тьмы, ибо она также является дитем Творца, скрывая пока еще не созревшую мощь.

Пламя свечи потянулось к ладони Матвея. Когда пламя коснулось ладони, зал залила яркая вспышка.

Глава 2. Столпы мироздания

Из бескрайних глубин космоса, на еще пока только водную планету Земля прилетела гигантская птица, чьи крылья рассыпали звезды, а хвост истончал белесую вспышку, будто бы сие и есть окончание кометы. В своих лапах, эта могучая птица несла маленькие газообразные шары, которые она раскидывала по орбитам. Из ее клюва изрыгались сгустки огня, а перья красили галактики в самые разнообразные цвета. Глаза гигантской птицы вертелись по кругу, переливаясь в черный и багрово позолоченный цвета – то были черные дыры. Птица подлетела к Земле, низвергнув сгусток огня, который летал вокруг планеты до тех пор, пока не остыл, и не обрел округлую форму. Этот шарик не мог вращаться сам, но из-за своей близости к Земле, увязался за ее приливами и отливами.

Гигантская птица вошла в слои атмосферы. Небо разверзлось огненными лучами, претворяя ее приход. Птица летала над водой семь дней и шесть ночей. Пока, однажды, птица не ввергла свои могучие лапы в пучину морскую, и не вытащила со дна ком земли. Этот ком птица вознесла до небес, обдав его огнем. Когда же земля затвердела, птица начала отщипывать и раскидывать ее куски по разным частям планеты. Так выросли континенты, горы, холмы и каньоны. Затем, птица прошлась еще раз огнем по суше, после чего по-

шли ростки травы, цветов и деревьев. Улетая, птица сбросила несколько своих больших перьев в небеса. Могучий земной ветер расположил эти перья вертикально, друг над другом. По воле неведомой космической силы, перья не упали, а остались в небесах. Спустя какое-то время, на них упало несколько астероидов, из которых вышла неведомая доселе на Земле живая и божественная сущность. Двунogie, высокорослые, с четкими и острыми формами лица. Они назвали самое длинное и огромное перо Верхним миром, и построили там семь чертогов, семь небес. Второе перо, поменьше, получило название Среднего мира. На него живые и божественные сущности поселили животных и зверей, шаманов и колдунов. Третье перо, самое мелкое, с большим количеством оборванных пёрышков и крайне неровное стало Нижним миром.

Живые и божественные сущности жили на этих перьях долгие тысячи лет. Пока не получили еще более могущественные способности творить и созидать за границами своих владений. Им дали право населить континенты. Нижний мир ушел под воду, став вотчиной злыдней и инфернальных духов, перо Среднего мира вошло в состав суши, дав расселиться по ней животным, зверям, шаманам и колдунам. И лишь Высший мир остался в небесах, став невидимым.

Правитель Верхнего мира, божество по имени Нум, дал наставления своим сыновьям, живущим на семи чертогах, помочь колдунам шаманам создать людей. Так, сначала бы-

ли сотканы фигуры людей из воды, потом их обожгли и поставили сушиться на высокогорных пиках, под лучами солнца. Когда фигуры обсохли, их стащили обратно, на сушу. Колдуны получили от Нума могущественную космическую силу, при помощи которой они вдохнули жизнь в безмолвных истуканов. Так появились первые люди. Завистливый правитель Нижнего мира, брат Нума, бог Нга, обидевшийся, что его не привлекли к сотворению людей, стал обижать их, соблазнять и наставлять на плохие поступки. Нга сотворил из камня грешную правительницу Дан`кату, которая должна была соблазнять людей вершить зло. После совершения злодеяний, люди попадали к Нга, и мрачный бог делал из них беснующиеся души.

В противовес Дан`кате, Нум создает из того же камня ее светлую противоположность – Дян`кату, правительницу Земли, наставляющую людские души на благие дела. На многие года установилось равновесие. Нум не оставлял своих сыновей и сыновей его сыновей. Облачаясь в огромную белую сову, Нум спускался с Верхнего мира, где помогал особо сильным людям в преодолении тягот, проблем, испытаний. По предложению Вылы, одного из сыновей Нума, правителя шестого чертога, каждый регион Земли наделялся хранителем – человеком со сверхъестественными способностями, какие были только у богов Семи чертог. Этот хранитель выискивался среди простых граждан, после чего отправлялся в нужный регион, где сталкивался с различно-

го рода опасностями, препятствиями, по прохождению которых ему даровалась космическая сила и основная задача – оберегать покой своего региона от приспешников Нга. Последний, к слову, не растерялся. Нга извлек урок из хитрого хода Нума с хранителями, и стал посылать в Средний мир эфемерных злых существ – нгылек. Нгылеки обычно не имеют какого-то определенного внешнего облика. Как правило, нгылеки обретают образ того существа, которого человек или боится потерять, или же просто не любит. Придя к человеку в том или ином обличии, нгылека начинает парализовать и сковывать его тело страхами, фобиями и комплексами. А потом насылает страшные боли, заставляя человека мучаться. В конечном счете, человек умирает, а нгылека забирает его образ себе.

Нгылеки приходили в людские поселения из ледяных вод океана. Колдуны и шаманы стали бить тревогу, поскольку не имели возможности противостоять нгылекам. Нум долго летал в виде совы среди людей, изучая повадки эфемерных существ. Пока не придумал способ, если уж не вывести нгылек полностью, то, по крайней мере, отбросить их от человеческих душ. Нум выдернул самое большое перо Верхнего мира, и соткал из него Минлея – огромную птицу, с семью парой железных крыльев. При помощи этих крыльев, Минлей создает ветер. Бытует поверье, что молния и гром свидетельство того, что где-то рядом Минлей (где гром – хлопанье его крыльев, а молния – свет очей его глаз). Но у Мин-

лея есть еще одна немаловажная функция – птица забирает нгылек, унося их в океан, где сбрасывает в холодные воды. Обитель нгылек – холодный океан, где также расположены врата в Низший мир. Нгылеки выходят оттуда, а Минлей их туда возвращает.

Нга долго гневался появлению Минлея, но ничего противопоставить не мог. В качестве торжества светлого начала, Нум создает Великие Проходы – нечто сакральное и чудесное, необыкновенное и сказочное. Увидев которые однажды, сложно остаться самим собой, прежним. Меняются взгляды, меняются манеры и повадки, в жизни появляются масса положительных и действительно хороших событий. Среди древних бытует поверье, что увидевший Великие Проходы познает тайну счастья в жизни. Поэтому, когда едва Великие Проходы показывались на горизонте, жизнь в людских поселениях замирала. Люди бежали смотреть, как горизонт тает на глазах. Происходит великое природное чудо, и люди стали поклоняться этим могущественным существам. Пришпешники Нга пробовали завлечь Великие Проходы на свою сторону. Но посланные нгылеки сбрасывались в океан, а деяния Дан`каты уже давно не имели результата – люди научились предугадывать поползновения злыдней, и чуть что, сразу же звали или Минлея, или же посыпали злое место (или злого человека) пеплом от костра – огонь всепоглощающий, даже, когда уже потушен. Злыдни терпеть не могли священное космическое пламя, и поэтому моментально исчезали.

***

Дальше, действие переносится уже в знакомую нам тундру острова Халэвнго. Нум, в виде огромной белой совы, спускается с небес, войдя в огромную черно-белую воронку, крутящуюся над тундрой. Пролетев сквозь нее, Нум прорезает стадо белых оленей. Подлетает к надгробию в лесотундре, и видит идущую к нему маленькую девочку. Сова раскрыла свои могучие перья, и начала трясти. Деревья послушно сбросили со своих вершин снежные шапки на грязную тропинку – чтобы девочке было проще идти. Девочкой оказалась Таня, идущая к надгробию Олега. Только Таня доходит до надгробия, как из-под земли вылезает облезлая рука. Сова ухугает и отлетает от надгробия. Перед Таней во весь рост вырастает фигура Олега. Белое, худошавое лицо, серая роба, но... бесконечно бездонные голубые глаза. Таня бросается к Олегу, и он обнимает ее. Она спрашивает Олега «Почему он бросил ее и маму?», на что мертвец с сожалением отвечает: «Не хватило сил». Не хватило сил! Преодолеть себя, свои противоречия». И этой слабостью воспользовались нгылеки, буквально съевшие его живьем за несколько дней. Олег заплакал. Сова ухугнула еще раз. Олег посмотрел на нее, вытер слезы.

– Ничего, девочка моя, – сказал Олег, – Ты выдержишь, а вот мама твоя...

– Я тоже боюсь за нее, – сказала Таня.

– Я рядом, ты только позови, – произнеся эту фразу, Олег начал утопать в земле. Он опускался все глубже и глубже. Когда над землей осталась только одна голова, Олег сказал: – Я люблю тебя, хранительница Севера!

Олег скрылся под надгробием. Сова подлетела к Тане и накрыла ее своим большим крылом. Мгновение во тьме, и Таня оказывается в зале метеостанции. Яркая вспышка прошла, и в себя вернулись остальные. Матвей последним открыл глаза, наблюдая, как свеча под его ладонью расстроила свое пламя.

– Так был создан наш мир, – сказал Савелий Карпович.

– Надо же... – задумалась Даша, – Я никогда не думала, что именно так.

– Лишь только здесь, в лоне природы открываются истинные знания, – Матвей затушил свечку пальцем, и посмотрел на Таню: – Пойдем ко мне в кабинет, есть разговор.

Матвей завел девочку в кабинет, и призакрыл дверь. Матвей подозвал Савелия Карповича.

– Я отвлеку Таню, а ты выведи его отсюда, – шептал Матвей, кивнув головой в сторону Даши.

– Да, я сразу почувствовал холод, – пробурчал Савелий Карпович, – Будто бы мы не одни смотрим священный огонь!

Савелий Карпович загадочно посмотрел на Дашу, чье лицо три раза переменялось и перекошилось.

– Что-то не так? – спросила Даша.

– Нам надо выйти, одевайся, – сказал Савелий Карпович, разминая руки.

В это время, в кабинете, Матвей одевал Таню.

– Снежная буря усиливается, – сказал Матвей, – Скоро должен быть толчок. Земля погудит немного, и успокоится. Нам надо быть снаружи.

– Почему? – спросила Таня.

– Ты должна ИХ увидеть! – Матвей прислушался.

Матвей попросил Таню затаить дыхание. Кто-то неизвестный стоит за дверью. Матвей подобрел к ней украдкой, и прислушался. Таня взяла «Бытие Севера», она листала странички, зачитывая выборочно строчки из него:

«В зените октября появляется она, среди берегов великой Волги и могущества Жигулевских гор. На другом конце страны, среди вечной зимы и мерзлоты, в меховой упряжке седого оленевода, под звездными лучам доброты, появился ты – сын севера и океана, благодать Нума и всей вселенной».

«Через оперенья большой птицы вижу я молодую кровь. Она приносит себя в жертву, даруя пищу для богов. Боги принимают жертву, даруют время на прибытие тех, чьи души незаметно изменяют мир всея вселенной».

«Мрачной синевой октября ознаменуется новый нисан, с небес откроются врата и сгинет в темень мрачность».

– Я не понимаю, – произнесла Таня, обернувшись к Матвею, потрясывая в руках раскрытую книгу.

– Матвей! Он за дверью! – раздался крик Савелия Карпо-

вича, – Я не сумел вывести его!

Матвей молча развернулся, прошел к Тане. Он забрал у нее «Бытие Севера».

– Да грянет сопротивление, которое я подавлю, во благо достижения цели и воцарения мира! – сказав, Матвей хватается за Таню и выводит из своего кабинета.

Таня начинает брыкаться и пинаться, но Матвей крепко держит девочку. С другого угла зала Савелий Карпович держит Таню, которая ревет и мечет.

– Куда?! Пусти меня! Отпусти мою дочь, демон! – кричит Даша, – Я увезу ее отсюда! Она никогда больше сюда не прилетит!

Даша вырывается из руки Савелия Карповича, и бежит к дочери. Матвей открывает дверь и выкидывает недоумевающую девочку на улицу.

– Сгинь, бестия! – рыкнул Матвей, и провел рукой перед бегущей Дашей.

Даша засмеялась старушечьим голосом.

– Вы не спасли Олега, не спасете его жену, – хохотала Даша лязгающим голосом, – Я и дочку их заберу, вот увидите!

Матвей выбежал на улицу, захлопнув дверь. Таня бросилась к окну, но Матвей оттащил ее.

– Нельзя! Ты не помнишь видение со своим отцом? – вскрикнул Матвей.

– Мама! – закричала Таня, и увидела, как Даша начала колотить по стеклу. Савелий Карпович скрутил ей сзади руки,

но она резким движением отбросил его в другой конец зала.

– Ты думаешь оказать мне сопротивление?! – хохотала Даша inferнальным голосом, – Ты думаешь заставить вернуться ее душу, прекрасно зная ее страх за жизнь дочери?

Савелий Карпович молча встал. Полярник прошел к Даше, но та ударяет мужчину по животу кулаком. Савелий Карпович с кашлем на пару отлетает и проламывает стенку кабинета Матвея.

– Ага! – хохочет Даша, – Вот и «Бытие Севера»!

Даша едва дотрагивается до книги, и мощнейший выпад энергии сотрясает метеостанцию. Даша падает без чувств.

– Что? Не рассчитал силу космического огня, злыдень? – усмехнулся Савелий Карпович, отряхивая одежду от пыли.

Савелий Карпович едва начал движение, как перед ним возникает его Матушка. Она стояла в белом платье, с красным пояском. Ее волосы окутаны в голубой платочек. На ее лице слезы, окропляющие тонкие ущелья морщинок на лице. Матушка стоит с платочками, теми самыми, что она сшила для своих сыновей.

– Сыночка, родной мой! – легким звонким голоском произнесла Матушка, – Иди ко мне, мой сладкий! Я так по тебе скучала!

– Мама, – Савелий Карпович всплакнул. Его губы задрожали, а лицо покрылось краснотой, – Я так виноват перед тобой! Мама, мне так не хватает твоей заботы!

Савелий Карпович поднимает руки и идет к Матушке.

Он не слышит стук в окно – Матвей машет руками и кричит «Стой! Это обман! Это нгылека!», но Савелий Карпович одурманен.

– Я прощаю тебя, ведь ты мой родной сын! – говорила Матушка, – Как же я могу злиться на тебя? Для родителей дети – самое главное сокровище в жизни, каким бы они не были!

– Мама, прости! – Савелий Карпович упал перед ней на колени, – Останься со мной, здесь! Не уходи! Я так тоскую по твоей руке, по-твоему

голосу. У меня... даже нет твоей фотографии, мама!

– Помни о сыне! – раздалось эхо Хадне. Шаманка выплыла из воздуха, и дотронулась до головы Савелия Карповича, – Встань на ноги, Сава! Не иди на поводу у эмоций! Они – продукт лжи и страха!

Хадне грозно смотрела на Матушку, которая заскалила зубы. Хадне исчезла, и Матушка вытащила из ниоткуда топор.

– Я прощаю тебя, мой сыночек, – ласково произнесла Матушка, —

– с этого момента мы навсегда будем вместе!

– Помни о сыне! – раздался голос Хадне в голове Савелия Карповича.

– Сын?! – спросил полярник сам себя, – У меня же есть сын! Савелий Карпович поднял голову.

– Пошел прочь, эфемерный выродок! – Савелий Карпович

резко ударил кулаком по животу Матушки.

Матушка взревела и видоизменилась в хромового мужчину с воздушным шариком в руке.

– Прозрел-таки, опарыш! – хохотал хромой мужчина, и испарился.

Внезапно вскочившая на ноги Даша сшибла Савелия Карповича с ног. Она выбежала на улицу, где увидела Матвея, крепко держащего Таню. Снежная буря превратила тундру в постоянно движущийся поток белых пятнашек, сквозь которые еле-еле проглядывается синева.

– Мама! – вскричала Таня.

Едва Даша двигается с места, как ее шею опоясывает ледяная цепь Олега. Улыбнувшись, Олег подмигнул Тане своим черным глазом, и повел Дашу в тундру.

– Он уводит ее в океан, – сказал Матвей, – Савелий Карпович, помоги ей!

Выбежавший на улицу Савелий Карпович пошел по следу Олега и Даши. Раздается мощнейший толчок – земля задрожала и заходила ходуном.

– Это они! – Матвей развернулся в сторону Карского моря, – Таня, это ОНИ!

– Кто они? – спросила девочка сквозь промозглый ветер.

– Великие Проходы! – торжественно произнес Матвей и отпустил девочку.

Великие Проходы

Буран несколько притих, и вместе с ним ушел в штиль ветер. Небо затянули темно-синие облака. В нижней части небосклона, близко к горизонту огромный диск луны неприветливо освещал залив Обской губы. Раздается повторный толчок, от которого сотрясается земля. Таня замечает движение темноты над заливом. Перед ее изумительным взором, облака стали разрываться на мелкие кусочки, будто бы меняясь друг с другом местами. Воздушные змеевидные массы белесыми бликами засверкали в ночи. Вода в Обской губе вздыбилась, образовалось нечто, вроде цунами, которое могучей своей массой пошло на берег. Раскатистые волны штурмовали мерзлое побережье Халэвнго, разбиваясь об кусочки льда. К земле, с облаков, пошел потоком пар. Его обгоняли миллионы капель замерзшей воды. Буран вел себя, словно холерик, стоящий в очереди в регистратуру – то и дело вспыхивал, и неожиданно угасал. Как вдруг, ночную синеву рвет на части протяжный рык. От него по тундре разнеслось гулкое эхо, сотрясшее немногочисленные леса. Рык повторился еще несколько раз, и Таня от удивления раскрыла рот. Ее глаза загорелись космическим пламенем, и стоящий позади Матвей не мог сдержать приступов радости.

– Это они! Таня! Они! Нум почтует тебя этой радостью! Это божья благодать! – кричал Матвей.

– Я никогда не видела подобного... – сказала Таня, едва имея силу произносить слова. Настолько велико было ее удивление.

Гигантская, мохнатая исполинская лапа разверзла небо, громовой поступью вминаясь в земную поверхность. Эта исполинская лапа затмила весь горизонт. За ней осталась луна и небо, звезды и космос. Гигантская исполинская лапа, увенчанная по кругу слоем покатиистой шерсти. Вмявшись в землю, исполинская лапа, разрезая воздух, ушла в облака, ее заменила такая же лапа, но чуть подальше. Из облаков донесся рык, эхом растворяясь в тундре. Исполинские лапы медленно сменяли друг друга, шагая по заливу, пересекая остров.

– Что это за чудо природы? – спросила Таня у Матвея, не отрывая глаз от исполин.

– Великие Проходы. Детище Нума и богатство Земли-матушки, – величаво произнес Матвей, – Редакторы-строители земной поверхности. Там, куда они ступают своими лапами, после начинается новая жизнь. Они – явное доказательство существования божественной сущности. Они прямое свидетельство того, что мы не одни на Земле!

Исполинские лапы затмили горизонт. Вы только представьте их размеры, что не видно абсолютно ничего. Как будто бы Матвей и Таня даже не частички пыли по сравнению с ними, их вообще нет! Страшно представить истинный размер Великих Проходов. Их тела сокрыты облаками, и остается лишь догадываться, что там... Какие они, где их прячет

Нум, и почему именно здесь выстроен их маршрут. Как их деятельность связана с природой, и как они вообще влияют на нее? Гигантские лапы. Их не заснимет ни один объектив камеры – просто не хватит разрешения. Таня стоит, и видит движение покатиистой шерсти, истончающей кристаллики замерзшей в небе воды.

А в это время, в тундре, нгылека, в образе Олега, ведет на цепи Дашу в океан. За ними бежит Савелий Карпович, утопающий в снегу и проступающей сквозь него болотистой заводи. Из заводей вырастают фигуры нгылек, обезображенные и бледные, они выли и тянули руки к Савелию Карповичу. Среди них часто мелькал нгылека в образе Матушки. Савелий Карпович закрывал от страха лицо, чем лишь только привлекал к себе внимание. На одной из заводей, Даша уходит под воду. Олег дергает за цепь, обвившую шею девушки, и вытягивает ее с болот.

– Ты утонешь только со мной! – шипел Олег.

Олег увидел бегущего Савелия Карповича.

– Останови его! – рыкнул Олег, показывая пальцем на полярника. Из-под снега, разбрызгивая ледяную воду, вылетает рослая фигура седовласого человека, в сером капюшоне и ребристой плащанице. Глаза человека покрыты тьмой, из облезлых щек течет вода, в руках он держит большую секиру.

– Прочь отсюда, человек! – прошипел седовласый мертвый воин, – Оставь ее или пожалеешь!

Савелий Карпович, завидев седовласого человека, решил его оббежать. Седовласый человек бросился на перерез. Возле очередного бугорка, седовласый человек машет секирой, и воздушной массой сносит Савелия Карповича. Полярник падает в снег, и его тело начинают засасывать мертвые руки, вылезающие отовсюду. Они тянут Савелия Карповича ко дну, полярник отчаянно сопротивляется. Седовласый человек подходит к Савелию Карповичу, и делает замах секирой. Над полярником пролетает белая сова, скинувшая большое и длинное перо. Оно попадает в руку обессилевшему Савелию Карповичу. Полярник крепко хватается перо, пишет в воздухе слово: «Минлей». Слово прогорает огнем, и от него шарахаются мертвые руки, отпустив тело Савелия Карповича. Седовласый человек с безумным визгом растворился в воздухе. Савелий Карпович оглядывается, замечает, что Олег уже далеко увел Дашу. Бросившись за ней, полярник всю дорогу говорил только одно слово: «Минлей». На берегу залива Обской губы, Савелий Карпович выбегает прямо на лед. Он почти настигает Дашу, и дотронувшись до девушки, что есть мочи кричит, обращая свой взор в сторону исполинских лап Великих Проходов: «Минлей, помоги! Минлей, помоги!»

Раздается раскат грома. Сверкает молния. С клубов облаков, к заливу спускается птица с семью парами железных крыльев. Минлей издает протяжный вой, который повторяет Олег. Завидев Минлея, Олег раскрыл до земли свой огромный черный рот. Глаза повыпали из его глазниц, цепь

рассыпалась на мелкие кусочки, а кожа покрылась черными волдырями. Минлей хватает лапами Олега, и уносит его прочь. Олег истошно кричал, но его становилось все сложнее и сложнее слышать. Минлей улетал куда-то, в сторону океана. Видимо, там он и сбрасывает всех нгылек в воду.

– Даша! – Савелий Карпович хватает падающую без чувств девушку. Полярник приводит Дашу в нормальное состояние, трясая ее и делая пощечины по лицу. Даша резко приходит в себя.

– Таня! Где моя дочь?! – первое, что спросила Даша, ухватившись за Савелия Карповича.

– С ней все в порядке, – Савелий Карпович повернул голову девушки на исполинские лапы Великих Проход, – Смотри, какое чудо божественной сущности ты видишь. Вся мощь космоса в этих лапах, а что в облаках мы даже понятия не имеем!

Даша смотрела на Великие Проходы с максимально отвисшей челюстью. Будто бы привороженная, она не сводила с них глаз.

***

Марш Великих Проход продолжался около часа. За это время, Матвей, Таня, Савелий Карпович и Даша вернулись в помещение метеостанции. Снежная буря возобновилась с прежней мощностью, когда последняя исполинская лапа рас-

творилась во тьме синевы облаков. Даша крепко обняла Таню, смотря с широкой улыбкой на Савелия Карповича и Матвея. Матвей согрел чаю и достал из холодильника вкуснейший пирог с вишней собственного приготовления.

– Нум дарует нас благами, – сказал Матвей, разрезая пирог, – Откуда же нам взять вишню на северном острове. Но белая сова приносит нам ее, нас помнят, нам помогают, нас любят.

После вкуснейшего перекуса как-то не вязался диалог. Все находились под сильным впечатлением от произошедшего. Даша смотрела на Таню, ее руки перестали дрожать. Внутри выработалось невиданное доселе спокойствие. Даша аж плакала от удовольствия, ибо до сей ночи постоянно пребывала в напряжении. Матвей предложил пойти поспать. Предложение было встречено бурей молчаливых оваций. Когда на метеостанции погас свет, первое время казалось, что нгылека где-то рядом. Воеет ветер за окном, идет снег. Но, все в порядке. Белая сова прилетела из тундры, и села на крышу метеостанции. Сова сидела, не шелохнувшись, наблюдая за округой, и внимательно слушая дыхание спящих внутри людей.

***

Рано утром, первым проснулся Савелий Карпович. Он встал с дивана, прошел на кухню, налил воды, и долго, с удо-

вольствием пил. Взглянув на часы, Савелий Карпович широко зевнул. Глянув в окно, он подивился чистому небу и чрезвычайно красивой белоснежной тундре. Но, вдруг Савелий Карпович увидел темное пятно, приближающиеся к метеостанции. Выбежав на улицу, Савелий Карпович ахнул – пятно длинной вытянутой кишкой петляло между озер и болот. Полярник начал будить остальных, встретив немалое сопротивление – чары Морфея оказались сильнее. Пока на метеостанции бренчали чашки и блюда, кто-то заправлял постель, а кто-то умывался, с кухни раздался оглушительный крик.

– Все сюда! – кричал Матвей.

К метеостанции подъехала оленья упряжка. Выбежавшая на улицу Даша, по привычке прятала за спиной Таню, чье любопытное лицо выпячивало из-за левого бока мамы. Матвей и Савелий Карпович вышли вперед. Оленья упряжка начала расступаться, и на последних санях, к Савелию Карповичу спустился Ясавэй, ведший за руку Хадне. Шаманка бросилась к полярнику в объятия, едва сдерживая эмоции. Северные олени закивали головами, истончая ртом холодный пар. Среди них оказался самый большой и рослый, с огромными рогами. Он разрезал ими воздух, и повелевал стаду, какие действия надо показывать. Этот вожак, мотая головой, издал нечто, вроде рыка, в котором четко прослеживалось имя «Вэн». Ясавэй дернул Савелия Карповича, показывая на вожака.

– Пока мы спали ночью, Нум прислал нам этого вожака, – сказал Ясавэй, – Мы не сразу признали в нем Вэна. Нум вернул его к жизни, наделив еще большей силой. Посмотри на него, он рад тебя видеть!

Савелий Карпович похлопал Вэна по морде лица, и из упряжки Хадне, к нему выбежал мальчонка, лет десяти, одетый в медвежью шкуру, его голову венчала медвежья же верхушка черепа.

– Папа! – вскричал мальчонка, впившись к Савелию Карповичу в бок.

– Это твой сын, – Хадне дотронулась до рыдающего от радости полярника, повторяющего сквозь потоки слез фразу: «Это мой сын, это мой сын!»

– Его зовут Натена, – произнесла Хадне, снимая медвежий череп с головы ребенка. Савелий Карпович обнял Натену, и не мог найти слов радости и вселенского счастья. Натена утопал в фуфайке своего отца, и лишь его правый глаз узрел выглядывающую из-за спины Даши Таню. Натена отошел от Савелия Карповича, достал совиное перо из-за пазухи, и подарил его Тане. Оленеводы, стоящие по краям упряжек, массово поклонились этому жесту. Ясавэй отошел от Хадне, и громко хлопнул в ладоши. Эхо от хлопка привлекло к метеостанции все зверье из тундры.

– Что все это значит? – спросила Даша Матвея.

– Мир начинает свое перерождение, – довольно ответил Матвей, смотря на голубое небо над островом, – Мы на по-

роге перемен.

***

Прошли года. Оленья упряжка во всю прыть мчится по тундре. Ясавэй везет людей на аэродром Халэвнго. По благоволению Ид Ерва, воды залива Обской губы позволили перевести их с материка, сюда. Здесь эти люди будут в безопасности. Раньше их домом был Салехард, но теперь они отступают все дальше, на север. На аэродроме, ненцы организовали центр нового поселения. Ясавэй руководит работами по его функционированию. Неподалеку от аэродрома, стоя на берегу кристально чистого большого озера, повзрослевшая Таня пускает бумажные кораблики. Красивая девушка, с русыми длинными волосами, ангельским лицом, одета в медвежью шубу, под которой сокрыт уже изрядно подросший животик – Таня на седьмом месяце беременности. Она в ожидании не только чуда – грядет очередная середина октября, ее день рождения. Это помнит ее любимый муж Натена, тихо подобравшийся сзади. Натена подарил Тане выструганную из дерева фигурку маленького мальчика, держащего земной шар.

– Смотри, – Натена обнял Таню сзади, поглаживая ее живот рукой, – Это наш сын и его предназначение.

– Я во сне уже с ним познакомилась, – нежно произнесла Таня, – Нум показал мне его, даже дал немного покачать ко-

лыбельную с ним.

Таня и Натена смотрели на горизонт. На горизонте небо меняло один цвет за другим. Оно становилось то красным, то зеленым, то черным. Блики белого и серого цветов, бордовые и сочно желтые. Воды залива Обской губы периодически штормили. Время от времени, по горизонту проносилась яркая красная линия. Вспышки затмевали весь небосклон. Их было видно даже во время снежной бури и, когда горизонт затягивали Великие Проходы.

На метеостанции, сидя за столом, шьет одежду Даша. Весьма возмужавшая, она занялась рукоделием. Теперь вся округа только и ждет нового чуда шитья от Даши, она с удовольствием делится этими благами с людьми. Ей компанию в пошиве всего и вся составляет Олег. Нум позволил Олегу один раз в сутки приходить из другого мира сюда, к Даше. Раз в сутки, несколько часов, когда Олег осязаем, способен дотронуться до любимой, поговорить с ней. Олег готовится – весь скоро рождения его дочери. Таня переживает круглую дату, и хочется придумать особый подарок. Вместе с Дашей они его припрятали в бухточке, на севере острова. При помощи Нума и Ид Ерва, Олег, в течение двух лет собирал его. А Даша сшила специально для дочери, ее мужа и внука теплую одежду. Чтобы она их грела не только теплом, но и родительской любовью.

– Расширяя границы, – созерцал Олег, стоя с Дашей на корме корабля, своего подарка, смотря на место, где Об-

ская губа выходит в Карское море, – Там, где начинается новая жизнь.

– Там, где тепло и уют, – Даша прислонилась к Олегу. Стоящий позади Ид Ерв, попросил Нума дать Олегу еще пару часов физического присутствия. От умиления происходящей ситуацией, Ид Ерв всплакнул, что на его водной щечке проступили ледяные слезки.

Савелий Карпович и Хадне стали жить на метеостанции. Они занимались разведением оленей. Савелий Карпович ныне владелец целой упряжки! В канун юбилея своей Матушки, Савелий Карпович встретился с ней во сне. Она пожелала ему счастья, и попросила больше уделять внимание Хадне. Матушка же намекнула, что в высших чертогах богов, зреют планы подарить им дочь, за труды и воспитание сына.

Но не все вечно в этом мире. Однажды, когда большая и дружная семья собралась на метеостанции, на ужин, Матвей оповестил их о своем уходе с острова.

– Мне было видение, – сказал Матвей, стоя за столом, – Что меня на Ямале ждет любовь. Я должен забрать ее, чтобы мы вместе присоединились к Высшему миру. Наш черед настал. Ее зовут Едэйне, и у нас родиться дочь Яляне.

Больше всех расстроился Савелий Карпович. За все эти годы, полярник привык к чудесам Матвея. И это известие, Савелий Карпович воспринял со слезами на глазах. Матвей собрал маленький рюкзачок, да взял в руки «Бытие Севера».

– Я его закончил писать, – сказал Матвей, стоя в дверях, –

Мне дано космосом задание отнести это бытие на Ямал. Откуда оно пойдет по людям нести благую весть, что здесь, на острове, начался новый мир. Что есть здесь сын небес и дочь земли, что их соединил огонь. Что грядет рождение их ребенка, чье появление ознаменует перерождение всей человеческой расы.

Матвей передал эстафету на написание бытия Даши. Даша взяла перо Матвея.

– Теперь ты летописец Халэвнго, – сказал Матвей, – Опиши явление сына Тани и Натены, пусть оно станет еще одним незыблемым столпом мироздания.

Матвей широко улыбнулся, и побрел по тропе, через тундру. Видевшие его на берегу рыбаки, говорили о чудесах: Матвей прошел по воде, ни разу не оступившись, ибо сильно была его вера, непоколебима и чиста душа. В кабинете Матвея теперь работает Даша. Она пишет «Бытие Халэвнго», на ее столике стоит фотография маленького мальчика. Фотография выглядит старой. На ней мальчик стоит в белой рубашечке, в крапинку, штанишки на подтяжках, беззаботное улыбающееся лицо, словно свеча, освещает кабинет. Даша взяла фотографию в руки, вынула из рамки, оглядев ее обратную сторону. На лице Даши нарисовалась улыбка. На обратной стороне ручкой на тонком картоне написано: «Это Матвейка!». И следом еще одна фраза: «Твой застывший образ пройдет сквозь века, и будешь ты вечен, пока незыблем свет в человеческом сердце. Целую, мама». Даша

провела по ней рукой, и вернула фотографию в рамку, как это сделал в свое время Матвей.

***

В последний час уходящего года, когда небеса активно меняли цвет, и из-за горизонта доносился гулкий звук рокота, на втором этаже метеостанции, в окружении всех близких и друзей, Таня родила сына. Натена взяла его в руки, и поднес к открытому настежь окну. Подлетевшая белая сова, ухгнула, одарив младенца своим пером. После этого остров загудел и зашатался. На аэродроме люди видели столб света, исходящий от метеостанции до неба. Люди расценили это как знамение, и пошла молва о рождении сына небес и земли. На остров потянулись ручейки людей с разных концов страны – так работает «Бытие Севера» Матвея. Они приходили на аэродром, строили чумы вокруг него, и ждали чуда – столб света появлялся каждую ночь, и в ночь снежной бури, когда через остров шли Великие Проходы. Нет, вопреки всем разговорам и слухам катастрофы не случилось. Космическое пламя не уничтожает старый мир, а лишь обновляет его. Обновляет духовно, давая людям новые знания и способности. На большой земле все больше узнавали о чуде севера. Чем дальше шла молва, тем масштабнее делалась история. Говорили, что с течением времени, Натена и Таня ушли за океан, в арктические земли. Где сокрыты неведомые до-

селе сокровища, и куда люди должны сами проложить свой путь.

Для одних эта история – легенда, для других путь к спасению, для третьих способ новой веры. Но все они называют произошедшее на Халэвнго «Прибытием», вкладывая в это понятие нечто космического масштаба, навсегда изменившего всю вселенную.

Эпилог. Предзнаменование Савелия Карповича

Савелий Карпович всегда стремился на Балтийский флот. Его розовая мечта воспроизводить пируэты на волнах, слушать пение чаек и пить чай из граненого стакана, закусывая лимоном и кусочком сахара-рафинада. Но от Балтийского флота его отвадили совсем скоро, когда выяснили, что Савелий Родищев – из семьи раскулаченных крестьян. И вместо карьеры моряка его «пришвартовали» на берега моря Лаптевых, обслуживать суда с тайного арктического полигона, о котором знали немногие. Говорили, что огромная бетонная конструкция пряталась где-то на хребте Ломоносова. Но каких-либо следов там не нашли. О судах с людьми и дивными конструкциями из металла говорили и рыбаки, и жители полярных поселков по сарафанному радио. Их пытались прижать, но кого замолчать не смогли заставить, так это местные народы. Ненцы, эвенки, все они сложили леген-

ды о неведомых тварях за ледяным океаном. Будто бы они томятся в темницах, под льдом, и ждут своего часа, чтобы захватить Большую землю.

Савелий Карпович не видел ничего экстраординарного. Он просто обслуживал суда, пока не пригляделся местному начальнику своими знаниям о природе и северной выдержкой – когда другие падали духом и мерзли, Савелий Родищев носился по закрытому режимному объекту, растаскивая ящики и мешки, дышал как паровоз, ночами читал научные труды и слыл негласным лидером «слуг полярных монстров». В 29 лет Савелия Карповича приглашают присоединиться к исследовательской экспедиции, и ходить по северным территориям. Так, начинается восхождение Савелия Карповича по полярной лестнице. В родной Иркутск он стал приезжать все реже и реже, пока окончательно не забросил его. «Я выбрал север», – так сказал он, когда общался по телефону с матушкой. После этого разговора, по всему северу стал ходить слух, что якобы, матушка одного из полярников утопилась в Ангаре, не признав большую любовь сына к холоду, а не к себе.

Новым «домом» для группы Савелия Карповича стал Ямал. Было отдано указание тщательно исследовать полуостров. Савелий Карпович прошел Ямал вдоль и поперек. Тонул в болотах и озерах, спасался от медведей и холодов. Ломал обе ноги, руку, получал травму позвоночника – медики то и дело отправляли порядком помятого полярника в Са-

лехард. Откуда ретивый исследователь быстро возвращался обратно, продолжая также фанатично брдоить по «закоулкам» Ямала.

***

В канун зенита осени, Савелий Карпович и еще десять человек переправляются на остров Халэвнго. На нем они возводят метеостанцию, и называют ее «Нум». Помимо сводок погоды, метеостанция была чем-то, вроде форпоста в заливе Обской губы. При ней стал функционировать аэродром, самолеты заправлялись горючим, группа Савелия Карповича весело поила летчиков спиртом и накидывала им в рюкзаки вкуснейшую местную рыбу. Кроме сводок погоды, полярники активно изучали ненецкую мифологию – так было проще понимать, о чем говорят местные оленеводы. Которые часто ворчали, мол, не даете даров природе, а забираете их, почему-то потом она еще должна вам выслуживаться.

Савелий Карпович, сам по себе, человек гиперактивный. Ему ничего не стоит одному отправиться на другой конец острова, никого не предупредив. Так, однажды, когда Савелий Карпович взял рюкзак, тетрадь, компас и отправился на юг Халэвнго, налетел сильный буран. Полярник замерз, продрог и почти заледенел. Его подобрала местная оленеводы, и отвезли в свой поселок.

В маленьком поселении ненцев, Савелий Карпович знако-

мится с 12-им мальчиком Ясавэем. Между ними завязывается дружба, Ясавэй служит проводником для человека с большой земли в такой необъятный и необычный мир северного народа. Савелий Карпович живет в отдельном чуме, учится езде на оленях, ловле рыбы в особых местах (где Владыка Вод разрешает) влюбляется в старшую сестру Ясавэя, шаманку Хадне. Между Савелием Карповичем и Хадне завязывается сильная и страстная любовь. Полярник умоляет шаманку отправиться с ним на метеостанцию. Но Хадне упорно твердила, что прошлое Савелия Карповича стремительно закружится с будущим. Что грядут большие перемены и приход новой эры. Совсем скоро сгинет былое, и начнет возводиться новое начало. Придет странник молодой крови, принесет в себя жертву, чтобы стать мостиком для той, которая станет самой важной фигурой в этих краях. Савелий Карпович не слушал ее, считая, что Хадне просто ищет причину не уходить. Шаманка утверждала, что к ней прилетает белая сова. И каждую ночь говорит о скором рождении сына, который связан с будущим Севера. Белая сова просит Хадне не покидать родное селение, чтобы дать свершиться предначертанному космосом планам.

Савелий Карпович не захотел это слушать, и уехал прочь, не принимая теплые слова шаманки вдогонку. Но, совсем скоро предсказания Хадне стали сбываться. Рухнул Советский Союз – «сгинет былое», надобность в метеостанции «Нум» пропала, и полярники переехали на Таймыр. Саве-

лий Карпович остался совсем один. Чтобы Савелий Карпович не сошел с ума, по настоянию Хадне, Ясавэй приводит полярнику северного оленя по имени Вэн. Вэн стал лучшим другом и собеседником Савелия Карповича на долгие годы.

Впредверие очередного нового года, к Савелию Карповичу приходит Ясавэй. Мальчик сообщает о том, что после того, как полярник ушел от Хадне, она забеременела и родила сына. Окрыленный желанием увидеть малыша, Савелий Карпович отправил Ясавэя в поселение, чтобы он известил свою сестру о возвращении «блудного мужа». Взгрозившись на Вэна, Савелий Карпович поскакал вперед. Но старый олень падает и умирает. Налетевшая снежная буря открыла Савелию Карповичу Великие Проходы. А после них, вновь замерзшего, заледеневшего полярника подбирает группа исследователей. Ее руководитель, Олег, жаждал узнать о Ямале все. Но метался между севером и семьей. Вместе с Олегом на метеостанцию пришел и некий мытарь по имени Матвей.

***

История Матвея полна загадок и мистификаций. Где он родился, провел детство – неизвестно. Матвей работал на границе России и Норвегии в Мурманской области. В таможню, Матвей пришел напрямиком из армии, по рекомендации. Что самое интересное, когда его принимали на работу,

проверяли документы – все было в порядке. А потом, все данные о нем стерлись, как будто и не было. По началу, Матвей считали за шпиона, но ни одна из теорий не подтвердилась, а в части, где он служил, «никаких Матвеев отродясь не было». «Мутный» проработал на таможене порядка десяти лет, на протяжении которых единственным его собеседником и другом был сторожевой пес Афраний.

Матвей редко с кем заводил беседы, в большинстве своем что-то постоянно записывал в тетрадь, кажущейся со стороны бесконечной. Однажды, двое любопытных коллег залезли в вещи Матвея, и стащили тетрадь. С тех пор ни их, ни тетради никто не видел. Матвей очень скоро покинул свой пост таможенника, поселившись в одиноком доме (покинутом кем-то очень давно) на мысе Святой нос, что на Кольском полуострове. В доме, Матвей принялся за написание своего труда, назвав его «Бытие Севера», описывая чудеса и предзнаменования. Свой труд он связал с всемирной эсхатологией, считая, что перерождение мира начнется именно с северных территорий.

На Святом носе Матвей прожил четыре года, и однажды, ночью, после странного сна, где белая сова прорезает стадо северных оленей, ушел путешествовать по северным просторам России, где и присоединился к группе исследователей Олега.

Существует аллюзия с апостолом Левием Матфеем. На это указывает работа Матвея таможенником (апостол

Матфей является покровителем сотрудников финансовых служб), его работа над трудом «Бытие Севера» (в аналогии с книгой «Евангелие от Матфея»). Также следование Матвея за белой совой, являющейся физическим воплощением верховного божества самодийского бога Нума (как своего рода следование за Иисусом Христом). Большая часть жизни апостола Матфея окутана тайной и неизвестна – аналогичная история у персонажа Матвея.

6 – 31 мая 2016 года

Зимние костры

Предисловие

Миша Черпак очень спешил в таверну «Аскулы», что на Лукинской улице, где по пятничным вечерам собирается толпа вокруг старого сказочника Понтуса. Понтус травит легкие и задорные истории о прошлом нашего мира. Многие дети слушают его, открыв рот, ведь они еще так юны и безвинны, что не знают, насколько огромен и широк мир, да сколько в нем всевозможных интересных, призывающих идти на самые отчаянные и смелые шаги. Мише Черпаку всего одиннадцать лет. Он сын ремесленника Юлиана и его красавицы-жены Прасковьи. Миша любит сказки, поэтому не пропускает ни одного пятничного вечера. Мишка мечтает о путешествиях, о больших дирижаблях, об огромных паровых гигантах, таскающих тросы в гавани Ладограда, и видит сны, где он побеждает могущественных Башибузуков. В его уютной комнатке на Дворянской улице, среди бесконечных стружек и опилок живут невиданные доселе существа. Он слышал про них из описаний Понтуса, и уже потом, сам визуализировал их, вытачивая в своей комнате маленьким ножиком по дереву. Прасковья ругалась, видя воцарившейся в комнатке сына бардак. В то время, как Юлиан гла-

дил Мишку по голове, все время шепча на ухо: «Грядет твое время, ты был рожден таким. Вселенная тебя готовит, мой малыш!»

В бездонно зеленых глазах Мишки после фразы Юлиана всегда возникал огонь. Мальчик без конца перечитывал сказки о Былинных землях, любил смотреть на звезды, и верил, что когда-нибудь попадет в Береговой град, где стоит Эфемерная Обсерватория, с которой можно дотянуться до ночного неба, да воскликнуть, сидя на коленях тамошних светил: «Как красива и нежна в вашем золотом одеянии Земля!»

У Мишки не так много друзей, как у других мальчишек на Дворянской улице. Но те, что есть – преданные и самые честные. С ними, Мишка не раз покорял просторы Волги, всегда шел впереди всей толпы, они его поддерживают, подсказывают, дают правильное направление. Когда Мишка заболел, его лечили не только родители. Вечно чумазый Гоша приносил болты и гайки из папиной мастерской.

– На, сооруди дирижабль! Полетим искать Край Света! – картавил Гоша, протягивая свою чумазую ладошку.

Дирижабль получался только в воображении. Реально же, Мишка просто не знал, как пользоваться гайками. Но, благодаря тому, что переданная через них добрая и нежная лучистая энергия его друга Гоши буквально бросала Мишку в пот, болезнь отступала быстрее, чем было до этого. И уже через сутки, веселая толпа снова гарцевала по полям, шугая

ворон и лоя прилетающие оплеухи сердобольных фермеров. Маленькие, добрые дети грезили мечтами узнать о мире все. Поэтому, каждую пятницу, в таверне «Аскулы», они садились на большую скамейку, слушая Понтуса, созерцая прошлое и претворяя мечты о будущем.

***

Но в одну пятницу, когда лето зашло на позицию зенита, столичный град Самар накрыл сильнейший дождь. Такого не видел никто в последние лет пять, поэтому потоки воды с неба жители восприняли как божью благодать, стремясь соприкоснуться с ней, быть поближе. На улицы Самар высыпались сотни горожан, начались пляски под дождем и поздравления друг друга с очищением. Царь Ворожеев снял корону и вместе со своими поданными простирал руки к небу, ощущая всю его мощь. А дождь лишь усиливался, даже стену хлебопекарни напротив Мишкиного дома не было видно! Раздосадованному погодой мальчику Прасковья наказала сидеть дома. Мишка смотрел на радующихся горожан и не понимал, почему ему запрещено прикоснуться к величю природы. Из-за дождя было не понятно, сколько сейчас времени. Мишка стругал очередного чудика из чертогов своего разума, пока друг его не осенило: тучи загородили солнце! Если нет солнца, значит не понятно, когда настает вечер! А ведь именно в первый час вечера Понтус начинает

рассказывать свои истории. Мишка взвыл. Он кинул ножик и бросился к окну. Ставни хлебопекарни затворяются как раз в первый же час вечера. А пекарь Гавриил всегда очень точен во времени! Мишка решил: надо идти.

Дождик уже начал кончаться, так что угроза промокнуть до нитки также таяла вместе с тучами на небе. Выбежав из дома, Мишка помчался на Лукинскую улицу. Он очень хотел услышать историю Мурома и Марьямы – им посвящено много легенд и сказаний. Старик вспоминал: «Муром сиеет богатырской силой, хоть и в его руке плуг, а сам он крестьянин. А Марьяма – царская дочка, которая сидела в башне своей, да смотрела на поля, выискивая среди них рубаху Мурома. Она любила его, не смотря на все протесты отца!» Понтус подчеркивал, что их любовь разрушила все устои Царства Ворожеев, придав импульс новому развитию мира.

Мишка, словно цунами врывается в таверну «Аскулы». Внутри нее царит идиллия и пастораль. Тихие посетители витают где-то в собственных грезах, а владелец таверны, Ола Мастер Улыбок, усатый варяг, большой, толстый, но очень добрый, с улыбкой до ушей всегда наливает вкуснейший вишневый компот каждому зашедшему.

– Так велит традиция! – с акцентом объясняет Ола Мастер Улыбок.

На большой лавке у камина уже сидят дети. Гоша машет Мишке рукой, и они садятся рядом. Понтус сидит напротив. Белая мантия до пола укрывает его ветвистые ноги – ко-

гда-то, очень давно, Понтус путешествовал вместе с родителями по Былинным землям, на большом и огромном дирижабле «Марфа Ивановна». В ходе этого путешествия, Понтус обрел необычайные чародейские способности и стал наполовину древнем. Теперь на его ногах растут ветви с листьями, которые никогда не вянут. В жилах Понтуса больше нет крови – она заменилась на березовый сок.

Сам старик живет в Роще Колдунов Рождения, и ему позволено выходить из нее раз в неделю, чтобы рассказывать сказки для детей. Понтусу уже больше ста лет. Длинную жизнь он обрел в Былинных землях. У него роскошные седые волосы, увенчанные на кончиках листиками всех цветов. На его длинном носу видны следы птичьих лапок – когда птичке плохо или грустно, Понтус подзывает ее к себе, она садится на нос и уже через мгновение начинает петь красивые песни! Понтус добрый и очень умный волшебник. Дети это чувствуют, знают. Поэтому, каждую пятницу, к нему всегда приходят много маленьких любителей сказок. Очень шумные в бытность свою, перед Понусом дети сидят, раскрыв свои рты. Они созерцают волшебные миры и возвращаются домой всегда веселыми и жизнерадостными.

Для Понтуса таверна «Аскулы» значит многое. Она почти полностью повторяет интерьер таверны «Тетис», стоявшей возле гавани парящего в облаках Ладограда. Таверна «Тетис» имела характерную дверь, с быком сверху. Ее владельцем и единственным барменом являлся Велес. Увенчан-

ный большой бородой и огромными глазами, могучим туловищем и мощными ногами. Велес одевался как простой крестьянин в Киевской Руси. Велес любил говорить загадками, читал древние книги на непонятном остальным языке, а ночью в его комнатке никогда не гас свет. Ходили легенды о странных звуках оттуда, будто бы бык топчется по половице. Утверждалось, что у Велеса есть огромный бычий хвост, а сам он – бык-покровитель полей. Именно в «Тетисе» собралась пестрая компания, которая и отправилась на дирижабле в Былинные земли. Понтусу тогда было 12 лет, и он летел со своими родителями, для которых это был единственный шанс сохранить семью из-за частых ссор. В краю неведомой эфемерности они излечились, каждому была дарована некая способность. Понтус вышел из нее чародеем и сказочником, древнем, выбравшем путь просвещать самых маленьких.

Таверну «Аскулы» в столичном граде Самар строили по образу и подобию «Тетиса», в память о том путешествии. Оно навечно осталось в памяти всех жителей Царства Ворожеев, бывшего в то время провинцией Аварский дом огромной Империи Тетис, канувшей в лету некоторое время назад. Поэтому, Понтус всегда приходит с Роши Колдунов Рождения только сюда. Садится у камина и ждет своих слушателей. Когда-то он мечтал о том, чтобы мама и папа больше никогда не ругались. Он думал об этом внутри себя, в своих мыслях. А мысли – реальны, и если сильно захотеть, то все,

что задумаешь внутри, обязательно выйдет наружу!

***

Когда детишки собрались, Понтус отставил в сторону свой посох, потрепал свою бороду, да призадумался.

– Сегодня мы будем слушать историю Мурома и Марьямы? – спросила любознательная Любаша, белокурая красавица девяти лет, в красном платочке и сиреневом сарафане.

Понтус молча кивнул головой. Его седая улыбка озарилась ярким светом, что вся таверна стала расплываться, постепенно превращаясь в залу царского дворца царя Эйрика, отца Марьямы. Дети с удивлением смотрели вокруг, а Понтус распростер над ними свои ветвистые руки, с которых посыпались мелкие звездочки. Понтус закрыл глаза. И его мудрый голос стал вещать историю, записанную Путораном в своей Летописи как «Сказ о Муроме и Марьяме».

Глава 1. Сказ о Муроме и Марьяме

Итак, дело это было давным-давно. Еще не остыли остовы Империи Тетис, еще не угасли воспоминания о восстании змеелюдей. Развалины Тригорода продолжали дымить, и на крутых поворотах Гиперборейского тракта путников ждало неведомое. В сумерках закатного солнца слышались рыки и еле заметный гул с Гиблых топей, бывших когда-то Чистейшими озерами, а ныне являющимися обителью каменных истуканов, хранящих покой павших воинов. Возводились города и села, строились гавани. Старый мир уступал место новому. Властители дум проводили новую засечную черту, лелея о прекрасном. Детям рассказывали прелестные сказки, памятуя какой прекрасной была Империя Тетис. Детишки дивились историям о походах на дирижаблях – могучих машинах кузнеца Ярослава из Чернигова. Их облик ушел вместе с создателями в пучину времен. Лишь старое поколение знает, как они выглядели и как тарахтели на всю округу, что дрожали избы и в тавернах лопались кружки с вишневым компотом!

На дворе прекрасная эпоха, время собирательства и строительства. Новым Царством Ворожеев правила династия Вавиловых, самым почитаемым из которых слыл Эйрик – мудрый царь и талантливый поэт, первый красавец в граде Самар. Предпочитает войне диалог. Его же жена, Элея, забот-

ливая мать и сильный оратор. Создательница Певческой академии, в молодые годы сидела в седле и умело орудовала... двумя боевыми топорами (!!!) После рождения Марьямы всю себя отдала воспитанию дочери, отдав войну в управление Эйрику.

Марьяма родилась в день летнего солнцестояния. Ее ангельское лицо осветило царский дворец, что солнце аж немного покраснело опустилось ниже своей привычной точки. Отчего весь Самар окутал ветер, задувавший свечи и гасивший фонари. Суеверные заболтали о барабашкиных проделках, умные же рукой указывали на царский дворец: «Чародейку царскую пожаловали Древние в наши края!»

В келью, где Элея лежала с Марьямой, стал приходиться люд городской. Люди очень сильно любили царскую семью, которая заботилась обо всех горожанах, как о своих детях. И простой народ отплатил Эйрику и Элеи тем же: по традиции, каждому новорожденному нужно принести травяной венок. Это дань Древним, благодарность за здорового малыша. Причем неважно, в какой семье родился ребенок: у торговца пряностями или барина из Центрального квартала. Люди одинаково любили каждого младенца, предрекая ему великое будущее и видя в его появлении благодарность небес.

Марьяма родилась голубоглазой, с ушлыми и пухлыми щечками, крепкими ручонками и необычайно заливым голоском. Она не плакала, а пела, что приводило царский дворец в ажурное состояние чаяния в грезах. Эйрик наказал

Элеи окутать девочку всей своей душой, чтобы наследница не знала недостатка во внимании. Марьяму учили лучшие учителя и духовники. Она видела прекрасное в книгах и любила цветы. В ее саду, в царском дворике, всегда росли только розы. Даже в зиму, Марьяма колдовала, чтобы розовые бляшки не сходили с ее полянки! Приходящие в гости к царю Колдуны Рощи Рождения хлопали в ладоши, проча принцессе место в Чародейских лесах. Марьяма отмахивалась: «У меня желание только одно – человеческое счастье и постоянный мир под окном!».

Эйрик видел в Марьяме будущую царевну Ворожеев, Элея же желала много внуков и внучек. Тем сильнее была их забота о ней, особенно, в плане того, чтобы дочка никогда не жаловалась на окружение. В пику родов в летний день солнцестояния, в царский дворец прибыл Путоран. В небе витал Аспид, и Эйрик изрядно занервничал при виде чародея-тысячелистника. Путоран принес вести от Древних. Марьяма родиться чародейкой. Она сможет колдовать и делать дивные вещи. В ней не будет злобы, она будет мечтательницей. Но у этой медали есть и другая сторона – Древние определили девочку, как часть волшебного явления под названием Зимние костры. Его однажды уже видели в этих краях, в бытность похода молодого военачальника Каролько на крепость Проран, в которой укрылся черный колдун-степняк Окулук со своим войском. Окулук вызвал Зимние костры искусственным образом, при помощи черной магии, заста-

вив Империю Тетис на несколько лет погрузиться в ледниковый мрак. Окулука удалось одолеть. Но Марьяма является от природы частью этого явления. Эта весть обескуражила царский двор и весь Самар. Все царство затаило дыхание, ожидая, что же будет с правящей династией.

Путоран объяснил беспокойным родителям, что жизни девочки ничего не грозит.

– В ее жизни не должно быть ничего насильного, – говорил Путоран, держа на руках маленькую Марьяму, – Она должна сама все решать. Хочет идти – идет, хочет поехать – едет, полюбит сильно – пушай любит сильно. Не делайте что-то против, иначе Зимние костры накроют ваши города и села!

Путоран поднес Марьяму к пасти подлетевшего Аспида. Ящур обдал девочку теплом своего пара, после чего произнес фразу: «Она – весь мир. Без нее – нет мира. Так решили Древние!»

С тех пор, Марьяму охраняют лучшие волшебники Чародейских лесов. Страх за жизнь Марьямы и все царство сделал из Эйрика безжалостного контролера. Он отсекал все ее окружение. Царский дворец обнесли дополнительной стеной. Ворота запечатали заклинаниями, впускали только по крайней необходимости. Фактически, город стал существовать отдельно от дворца. Царская семья начала отдаляться от так близкого ей народа, по городу пошли слухи, что молодую царевну заточили в одной из башен дворца

и «что сидеть ею там до конца веков своих».

Хотя на самом деле, уже в пятилетнем возрасте, Марьяма весьма активно сбегала из-под чуткого контроля отца. Ей часто устраивали очные ставки по этому поводу, но получалось не очень – девочка не вникала в советы отца дальше дверей тронной залы не выходить. Напротив, играя со своими братьями и сестрами, приезжающими в гости из соседних городов, Марьяма разрабатывала немало «план побегов». Который ей почти удавался, если не считать внезапное вскрытие всех планов вылазки за пределы дворца со стороны троюродных братьев-близнецов (эти сорванцы за сладкие пирожки шпионили за своей сестричкой, докладывая обо всем Эйрику). Порядка ради, Элея потреплет дочку по голове. И в тот же миг, на ушко шепчет ей: «Молодец! Мы что-нибудь придумаем!».

Эйрик же пошел дальше трепки головы дочери: из Чародейских лесов к Марьяме приставили личного дозорщика. Могучего охранника, сильного и непобедимого. У него много имен, способностей, а главное сноровка и доброта. Точнее, тут уже пришлось немного слукавить – речь шла о ней. Лесная волшебница Аэлита, в белой мантии и с роскошными расклешенными каштановыми волосами. Она так громко и звонко пела по утрам, что весь дворец осыпался от вековой пыли. Так, Эйрик окончательно пресек попытки дочки выходить за отведенную ей территорию.

Но, ведь это царь так думал, верно? Аэлита же мыслила

по-другому. Она прекрасно знала о Зимних кострах, прекрасно понимала силу и ум Марьямы. Поэтому, пока царь занимался важными дипломатическими делами, Аэлита тайком выводила Марьяму за пределы дворца, «погулять». Ведь смысл заточения Марьямы в том, чтобы ее силой никуда не увели, чтобы ее связка с Зимними кострами не возымела в своей силе. Но как можно не ожидать это явление, если его суть связи с царевной заключается как раз в том, что она не должна встречать ничего запретного на своем пути! Ведь, может статься так, что Эйрик нацепит на Марьяму кандалы, да безопасности ради устроит зеленый сад и скоморохов парад в ее же царской спальне. А она сочтет это как за сильное удержание (Марьяма же растет, и с возрастом к ней приходит понимание ее незримой, на первый взгляд, связки с природой), да бывать после этого Ледниковому периоду на всем пространстве Дикого поля.

***

Аэлита любила возить Марьяму в деревушку Малоряжье. Малоряжье – самая близкая к крепостной стене столичного града Самар. Она огромная, заполонившая весь горизонт, видимая с дворцового балкона. Ее население составляют сплошь трудяги и талантливые художники. В Малоряжье проходит выставка сельских художников, рисующих быт и нравы, окружающий их. Марьяма очень любила смотреть

на эти работы, а ее в свою очередь всегда ждали в этом краю. Для сельчан, царевна была лучиком света. Они не понимали, как такое чудо, приводись что-то агрессивное против нее, способно нагнать холода да северный ветер в Царство Ворожеев.

Аэлита водила Марьяму по деревне, показывая, как живут вне города люди. Девочка хлопала в ладоши от простоты и одновременно богатства местных жителей. Изба соткана из любви к семейному очагу, опоясанному крепкой мужицкой силой, сдобренной женской заботой и детскими криками из комнатки, где на шкафу сидит домовый. Он смотрит своим затянутым волосами глазом за детишками. А если что-то плохое и произойдет, то домовый тотчас бросается на выручку, вытаскивая несмышленьшей из передряги своими косматыми, но нежными ручищами.

На местной ярмарке продуктов Марьяма впервые вкусила плоды черники и винограда. В Самар такого не продают. Девочка восхищалась этим и хотела было просить отца о том, чтобы эти плодовые ягоды также выращивались бы на фермах Самар, но в последний миг замечала завышенные веки Аэлиты. Ведь отец же не знает об их походах, чего за зря душу травить?

Выезжая из Малоряжья, к стенам столичного града Самар, Марьяма засекала своим детским зорким взглядом мальчишку в серой робе, с плугом в руках. Этот коренастый мальчуган стругал пшеницу, деловито выписывая пируэты среди ее

колосьев. Марьяма засмеялась, а мальчик покраснел. Аэлита бросила мальчику копну листьев, из которых вырос букет цветов. Аэлита подмигнула мальчику, предварительно отвернув Марьяму в сторону ручья, текущего с Молодецких гор в Волгу. Мальчика звали Муром. Ему семь лет. Он сын Игоря и Марты, сын полей и труда, отваги и непоколебимости. Мастер на все руки. Среди мальчишек Малоряжья, Муром был лидером. Он всегда с плугом, в ночи держит факел, освещая путь там, где одна лишь темнота. Им гордились родители, им гордилась вся деревня. В семь лет Муром – главный и завидный богатырь земель Свободных крестьян. О нем знала вся округа. Марьяма весь вечер расспрашивала Аэлиту об этом мальчике, но волшебница уходила от ответов. Довольная Элея видела, как расцвела ее дочь, смотря на мир, а не сидя в четырех стенах, боясь запретов отца. Спустя пару дней, когда Аэлита вновь привезла Марьяму в Малоряжье, как будто бы специально, волшебница первым делом повела девочку в поле. Там, слегка засмутившись мальчика, Аэлита знакомит с царской дочкой. Вот и букет цветов пригодился, а вот и гроза, присланная Древними. Нет, это не Зимние костры. Это так будущее эхом отразилось в настоящем.

Прошли года. Муром и Марьяма, стараниями Аэлиты стали не разлей вода друзьями. Со временем, их дружба переросла в любовь. Молодецкая и задорная, горячая и волшебная, эта любовь резала их обоих, поскольку Муром не мог

зайти в город, а Марьяма не могла без Аэлиты выйти за его пределы.

Никто не хотел гневить отца, но Эйрик все узнал сам. Однажды, когда его прием заморских гостей закончился раньше обычного, царь вошел в покои дочери, чтобы узреть ее счастливый взгляд. Но его взору предстали пустые покои. Эйрик забил тревогу. Беспokoйный отец начал бегать по дворцу, смотря на небо – оно было слегка темным, шла обычная гроза. Но, в представлении Эйрика это были Зимние костры. Царь приказал страже объявить в столичном граде Самар военное положение. Стали готовиться чародеи и маги, служившие при дворе. Город загудел и затрясся. Элея пыталась успокоить своего мужа, уговаривая его перестать бежать впереди своих страхов. Но царь был неприступен. Он не успокоился до тех пор, пока весь город не стал искать царевну. Которая играла с Муромом в полях, под присмотром Аэлиты. Волшебница завидела неладное в городе, да потащила за шкуру девочку домой. Едва въехав в город, Аэлита увидела красное от злости лицо Эйрика. Царь приказал выгнать волшебницу за пределы Самар, а Марьяму долго отчитывал в своих покоях. Пятнадцатилетняя царевна стояла, вжавшись в себя, слушая, как Эйрик кричит от жуткого страха перед ее чародейской привязкой к явлению Зимних костров.

В конце концов, царь издал указ: запретить Мурому приближаться к крепостной стене, а Марьяму посадил на при-

вязь в виде цепи, заявив, что: «Теплота уходит из наших краев. Твоих рук это дело, дочка!». Элея объясняла раздосадованному от гнева царю, что насильно мил не будешь. Не этому ли учит привязка Марьямы к Зимним кострам?

– Помнишь, что сказал Путоран, когда наша дочь родилась? – спрашивала Элея красного от злобы Эйрика, – В ее жизни не должно быть ничего насильного! Она должна сама все решать. Хочет идти – идет, хочет поехать – едет, полюбит сильно – пушай любит сильно. Не делайте что-то против, иначе Зимние костры накроют ваши города и села!

Элея трясла Эйрика, но тот смотрел на проходящую над Волгой грозу. Царь весь покрылся мурашками.

– Ты же сам их притягиваешь своими действиями! Неужели не видишь? – вопрошала Элея, видя панику в глазах своего мужа.

В Малоряжье, тем временем, Аэлита рассказывала Мурому, лежащему на печи, что не все пропало. Волшебница пыталась расшевелить безропотно тоскующего по родственной душе юношу. Родители Мурома желали, чтобы парнишка пошел в град, да рассказал о своей привязанности царевне. А Аэлита вершила их уговоры фразой Аспида, сказанной также в день, когда родилась Марьяма: «Она – весь мир. Без нее – нет мира. Так решили Древние!»

– Я простой смерд, мне нельзя с ней общаться! – плакал Муром, уткнувшись в подушку, лежа на печи.

– Экой какой, смерд, он! – Аэлита дернула Мурома за ру-

ку, – А ну, вставай лежебока! Кому какая разница кто ты? Ты сам себе проблемы ищешь! Прямо как отец Марьямы!

Из горнила печи вылез домовой. Сняв чумазую от копоти шляпку, домовой кинул ее в Муром.

– Ленчик, не до тебя сейчас, – особо упадническим голосом сказал Муром.

Аэлита влупила по Мурому волшебным шаром. Родители «богатыря» благожелательно кивнули действию волшебницы.

– Хватит плакать! Руки в боки, плуг вперед! – Аэлита и Ленчик стащили кричащего Муром с печи, и поставили на ноги.

К изумлению родителей Муром, в избу вошел Путоран. Чародей прошел к Мурому, взял его за подбородок и сказал: «Встань и иди! В полях тебя ждет ближайший год, а дальше – решай сам, ибо мир измениться от неизбежного приближения будущего!» После этой фразы, Муром встрепенулся. Взяв кувшин с молоком со стола, Муром побежал в поля.

– Ваш сын не познает усталости или тревоги, – Путоран обратился к родителям Муром, – Живите с миром!

Родители Муром проводили Путорана и Аэлилу. На окраине Малоряжья, возле водяной мельницы, Путоран останавливается.

– Гроза идет с Востока, – начал Путоран, – В районе реки Яик завидели кочевое войско. Вскоре они будут и здесь!

– Как мне убедить Эйрика, что он же сам притягивает беду

своими действиями? – спросила Аэлита.

– Не тебе его переубеждать. И не тебе спасать Марьяму из его цепких лап, – Путоран посмотрел в сторону полей, – У царевны уже есть защитник.

***

Всю багрово золотую осень Муром косил пшеницу. Ведомый любовью к Марьяме, Муром очень хотел, чтобы она видела со своего балкона, как по ветру колышется его блеклая, на первый взгляд, рубаха. Крестьянин долго думал, как это сделать. Но в час ночной, когда за окном бушевал осенний холодный дождь, Муром вспомнил про свою мечту построить город, где не будет стен, где никогда не будет войны и прочих бед. Муром вскочил, разбудил родителей, разбудил Ленчика в печи, вытащил топор и громко заявил: «Я построю самую большую мельницу в Царстве Ворожеев! Она будет молотить зерно, которое будут отвозить на рынки столичного града Самар! Отец Марьямы увидит, да позовет меня в свой дворец пекарем. Я буду печь пироги ему, царице Элее и своей Марьяме!» Сказав, Муром скрылся во тьме дождливой. Отец, было, дернулся за ним, но чумазая рука Ленчика остановила его.

– Не стоит, – промолвил Ленчик, – Дай сыну залить фундамент новой жизни.

Муром строил мельницу один. Посреди поля. К нему сбе-

гались все мальчишки с окрестных деревень. Приезжали меценаты, давали золото, приезжали лесорубы, подвозили доски. Кузнецы приволокли гвозди и молотки, а красивые барышни-крестьянки плели платки – ими планировалось завесить всю дорогу до мельницы Мурома, чтобы была дивная красота. Строительство шло несколько лет. Зимой было особенно тяжело. Лютые морозы сковывали тело, но Муром видел силуэт Марьямы на балконе и это придавало ему сил. К первой капели и распутицам на дорогах, мельница завертела и закружилась своими остовами по кругу. Пошло зерно. Пошли купцы. Самая большая мельница окрестных полей заработала! В восемнадцатый день рождения Мурома устроили пир на все Малоряжье. Приехали Свободные крестьяне из Усолья, Шелехмети, Гулкарей и Переволок. Наемники из Жигуля веселили толпу, показывая боевые приемы и просто забавно дурачась, стараясь переиграть шутов и скоморохов. К концу праздника вальяжно подъехал Эйрик с царичей, посмотрел на мельницу, потом подошел к Мурому, попросил зерна побольше привозить, да уехал.

Муром опечалился тем, что Эйрик не позвал его с собой, во дворец. Разочарованный юноша бросил топор, и ушел с мельницы. Его остановила Аэлита, попросив дать Эйрику время.

– Он добрый, на самом деле очень добрый. Просто решил надеть маску деспота, хотя она и плохо на нем сидит, – молвила волшебница, глядя растрепанные волосы Мурома.

Одним майским днем, в столичный град Самар съехались все князья со всей округи. Царь Эйрик пожаловал пир, на котором объявил о поиске видного жениха для своей дочери. Князья посыпали царя предложениями разных мастей, правда, Марьяму это совершенно не интересовало. Девчушка с тоской смотрела на неизбежное, поникнув в эмоциях, перестав колдовать, перестав говорить. Элея просила магов дать ей возможность хотя бы немного времени в день, чтобы видеться с Муромом, но царевне было отказано. Элея попробовала провести обратно во дворец Аэлиту, но волшебница не пошла сама, посетовав, что не посмеет вмешиваться в чужую жизнь без разрешения ее правообладателя. Наконец, Элея бросилась к мужу, спросив, почему бы ему не отпустить дочку добровольно в деревню? Ведь она же совсем рядом! Эйрик оказался непреклонен.

Марьяма, поняв, что отец ее вряд ли услышит, подошла к своим любимым цветам, растущим на балконе и, попросила их опоясать ее тело с головы до пят. Цветы вились два дня и одну ночь, пока их последний узелок не связался на макушке царевны. После чего, Марьяма наколдовала цветам, чтобы они выпустили острейшие колючки, какие есть на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.